

СМЕНА

6
1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Фото
М. Озерского

ПЕСНЯ ДРУЗЕЙ

Слова Юрия ПОЛУХИНА.

Музыка Сергея АГАБАМОВА.

Эта песня получила первую премию на конкурсе студентов-композиторов Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского, посвященном VI Всемирному фестивалю молодежи.

Allegro non troppo

ff

p

и берега
один го

тво вол, то вол от пас-ни и вол со-
дик вол ах стих ах вол

у вола Мороза
пур вол

ко вол на вол на рак дик вол на вол во-
вок пруть раз-тур цы вол не вол дик вол

зим на сне вол ес ли креп на дру жин-я вол з-ти сон
чук пака дик

вол на дик вол на вол на вол
пруть про ход дик го-ди, ю пост

мара волга вол да вол на вол да вол да

Летний город напевает песни,
И в веселом шелесте листвы
Мы идем с тобой, товарищи, вместе
По широким улицам Москвы.
Пусть играют на бульварах дети,
На газонах пусть растут цветы,
Не пылать пожарищам на свете,
Если крепко дружим — я и ты.

Припев:
Этим солнечным днем
Мы задорные песни поем.
Пусть проходят года,

Юность мира всегда
Будет нашей дружбою горда.

Далеко за синими морями
Та страна, где твой любимый дом.
Ты сегодня встретился с друзьями
На московском празднике большом.
Мы идем, одной лягушкой согреты,
Молодая, верная семья,
И везде, в любом краю планеты,
Есть у нас надежные друзья.

Припев.

Фото А. Моклесова и Н. Маторина.
Текст Б. Эпельфельда.

Живут два товарища

Давно собирался Рафаил Сай-
ду фудинов в гости к своему
другу Ивану Лобко, да все
как то не получалось. А се-
годня выдался свободный вечер,
и Рафаил пришел с женой.

— Ну и повезло же нам: как
раз к пельменям послезавтра— еще
с порога шутливо заметил
гость.— Посмотрим, Иван, какую
«продукцию» ты сейчас выдашь.
Это тебе, брат, не на приборы
поглядывать!

Иван смеется: конечно, в цехе
девчонка идет куда веселее... Но тут
в разговор вмешивается хозяйка
дома:

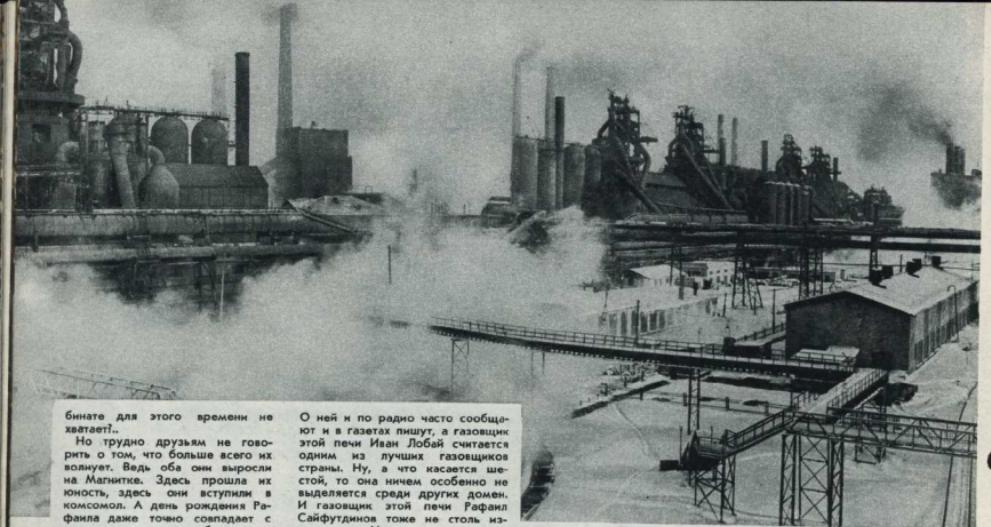
— Хоть бы здесь вы о работе
не вспоминали! Неужели на ком-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Март. № 6. 1957 года.

Год
издания
34-й

бинате для этого времени не хватает?..

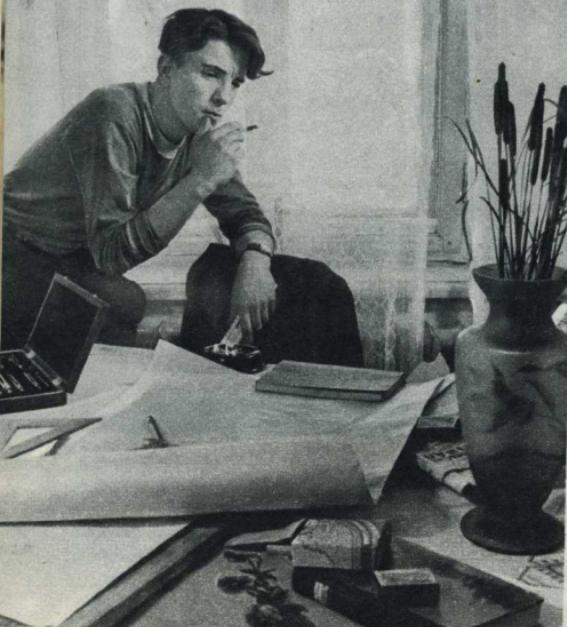
Но трудно друзьям не говорить о том, что больше всего их волнует. Ведь оба они выросли на Магнитке. Здесь прошли их юности, здесь они вступили в комсомол. А день рождения Рафая Фаня даже точно совпадает с днем рождения комбината: им оба недавно исполнилось двадцать пять лет...

И вот живут два товарища... Оба работают газовщиками, оба трудятся у печей, которые в страну домен Магнитогорского металлургического комбината стоят рядом. Правда, седьмая комсомольско-молодежная пользуется всесоюзной известностью.

О ней и по радио часто сообщают и в газетах пишут, а газовщик этой печи Иван Лобай считается одним из лучших газовщиков страны. Ну, а что касается шестой, то она ничем особенно не выделяется среди других домен. И газовщик этой печи Рафаил Сайфутдинов тоже не столь известен, как Иван.

Но это не мешает им другиться. Наоборот, Иван Лобай часто наведывается на шестую доменную, чтобы помочь другу советом, подсказать что-нибудь хорошее из своего опыта.

Сегодня мы рассказываем об этих двух магнитогорских товарищах, о том, как они живут, трудятся и дружат.

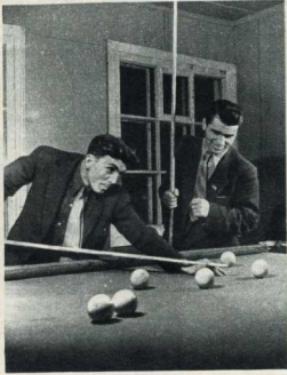
Рафаил Сайфутдинов учится без отрыва от производства на вечернем курсе физико-математического института. Работать и учиться не легко. Приходится дома засиживаться за учебниками и чертежами, дома, целые часы проводить в лаборатории института за опытами.

Два года назад магнитогорцы избрали Ивана Лобова депутатом в Верховный Совет СССР. Многие из тех, с кем я говорил, считают, что не только богатый производственный опыт знатного доменщика, но и его прямолинейность и честность охотно отвечают на вопросы друзей.

— Интересно, а как вчера работала шестая печь?

Бывают друзья вместе и в доме отдыха комбината.

В часы досуга доменщиков часто можно встретить в спортивном зале.

СМОТРЕТЬ ЛЮДЯМ В ГЛАЗА

Расчёты

Палящий июльский зной, как и жгучие январские морозы, обычно наступает в ясную, безветренную погоду.

Так было и в этот день.
На небе ни тучки, ни облачка,
воздух кажется загустевшим от
жары. Всю природу охватила

душного дремота.
Городок, шумливый и безалаберный, как и все молодое, в этот день казался полусонным; даже машины двигались медленнее, чем обычно, а люди брели густою толпой, лениво и расслабленно, своим видом вызываясь осуждением расщедшившемуся солнцу. И только Колосков вынужден был памяти не вспоминать, из-под новой клятвенной присяги.

всёело, из-под новой клетчатой кепочки, лихо сбитой на затылок, выкручивались темные волосы, приветливо щурились на окружающее столь же темные глаза, а твердые губы то и дело складывались в улыбку.

Молодому человеку очень хотелось пить. Поэтому, когда он, завернувшись за угол на центральную улицу, наткнулся на тележку-газинку, искренне обрадовался.

— Ну-ка, Нюорочка, нацеди стаканчик!
Продавщица — щекастая девчина с кудрявым начесом над круглыми и бездумными, как у цесарки, глазами — деловито пересчитывала мелочь.

— У Нюрочки и спрашивай! — ответила она Колескову, даже не поведя в его сторону глазом.

— Неужто Клаша?

— Была и Клаша, да увел Саша! — снова отшумели продавщица, затем ссыпала в карман халата горсть медяков и, мельком глянув на Аркадия, ответила уже обстоятельнее: — Воды нет, молодой человек.

— Безобразие! Такая харшина а у вас до

— Безобразие! Такая жарища, а у вас во всем городе негде напиться!
— В Кострому поезжай.
— Вы меня... Жена, не учите, куда ехать!

— Жаловаться идите в контору: улица
братьев Востряковых, дом четырнадцать, проезд

шестнадцать, «Кас, пиво, водка на вывеске написано! — Продавщица взглянула на Колоскова внимательнее и добавила с кокетливой усмешкой: — Там и Женю найдете; во втором окне спросите инкассатора Евгению Чекову. Она как раз обожает таких веселых

— Воры — они все веселые,— сказал Аркадий, достав папироску, многозначительно пропускнув мундштуком о крышку самодельного горшка.

— На стройке отбывал? — спросила девушка, ничуть не удивившись.
— Точно. А сегодня возвращение под

— Точно. А сегодня досрочно получил полный расчет: сопроводиловку, характеристику аммуниции похвальную и сберкнижку на шесть тысяч четыреста рубликов! — Колossalов похлопал себя по грудному карману.

— Перековался, значит. Небось, долго колил? — спросила продавщица, уже с одобрением оглядывая очень смуглого, сухощавого парня, одетого в новый широковатый костюм, зашитый мешком, нахмутившись на одно плечо.

— Нет. Просто специальность мы здесь освоили денежную; я и еще Семен Подгаецкий работал со мной на пару. По монтажу... Эх, и жарал! В такую погоду только карасей бродить...

Но что значит жара, когда Аркадий с каждым часом все радостнее ощущал состояние, о котором мечтал и тосковал в течение двух лет: куда хочу — туда иду, чего хочу — то и делаю! Вот и девушка незнакомая смотрит на лифто и даже имя свое сообщила: погаси огни, я спускаюсь.

проверил свои беспорядочно кудрявые волосы.
— Же вы не остались на стройке по аймур? — осторожно поинтересовалась.— Поскольку специальность ходильщика

ходящую...
ответил уклончиво:
— тать, дорогая Линочка, везде мож-
ет под кепкой самоварчики, а по бо-
евые рукашки болтались. Мамашу охон-
я в Рязанской области она прожиг-
Федоровна Колоскова, город Са-
чарыково?

— не только люди, а и города, были
наму зовутся,— сказала продав-
ожок!

* * *

аэрофльтрованный спуск к природному казарме, странным радио с дикими звуками, в которых волны, дико ухващенные, вились и вились, ускользали в зелени темноты. Еще в дальние времена на этом месте реки привольно раскинулось село, а с тех пор, когда поблизости появился богатый нефтеносный район, оно за несколько лет превратилось в настоящий городок. А так как название Нестрофорт, все учреждения разместились в больших домах, привыкающих к непрерывной жеванке железной дороги, то старожилы оказались жителями и слободы.

упаться, Аркадий Колесков по Распоповой направился к реке не потому спуску, а по узенькой тени со странным названием «Фалакра», петлявший между палисадниками. Здесь застылый воздух, гречной заварки, был густо насыщен чумичими испарениями разомлевшей цветущими садами и огорожимительным посвистыванием норок.

и, в траве неумолчно цвиркали
на шутку томила жажда, и он
открытуя капиллю палисадника, где
всех раскидистых вязов затаялся
принц домишко в два оконца с
одной скобу фонариком, служившим
и верандой.

— просительно окликнул Ко-

Редактор В. Никонорова

с занавеской, расшитой причудливыми цветами.

На оклик никто не отозвался.

— Эй, люди добрые! Есть там кто живой или нет? — сказала, уже громче, позывая Аркадию и остановившись у двери.

Первым на это я обратил внимание, был спорный, видно, чрезвычайно болезненный кот, привольно разгуливавший по подсредине большого круглого столика, стоявшего у самого окна. Рядом с котом лежала дамская лакированная сумочка. Сумочка была полулярката.

Кот лениво повернулся голову и, увидев Аркадия, замкнул глаза, всем своим видом выказывая желание, чтобы незнакомый молодой человек ушел.

Но Колосков не отвел на него, и вообще он ничего не видел, кроме большой пачки денег, по всей видимости, наспех засунутой в сумочку. Как это ни странно, первое, что искальпил Аркадий, увидав чужие деньги, было давно позабытое чувство страха.

Странно, Колосков ведь не совершил ничего предосудительного: просто подошел к окну попросить воды или каскью. Так почему же вдруг настороженно подобрались все его тело, дрожащая придергивавшая занавеску рука, ноги, зазубины, словно Аркадий приступил к убийству?

— Эй, гражданин, напиши бы мне!.. Да что там, оглохли, что ли?

И снова никто не отозвался на голос Аркадия Колоскова — голос, в котором прозвучали и злость, и тревога, и мольба.

Аркадий опустил занавеску, пытливо огляделся. И если бы продавщица воды, которой он разговаривал несколько минут назад, сейчас не сидела бы спокойно склонившейся губами, его глаза, темные и яркие, сейчас бы блеснули вспышкой прищурки, она не сразу узнала бы в Колоскове того шутливого и доверчивого на вид парня, с которым она только что говорила.

Трудно сказать, кем и когда высказано мнение, что какая-то неудержимая сила иногда влечет преступника на место преступления. Ещё труднее обосновать это психологически, да и просто логически.

И если бы кто-нибудь спросил Аркадия Колоскова, почему вечером, сойдя с парома, он направился в город по той же уличке, где днем совершил кражу, Аркадий не сумел бы этого объяснить.

Правда, бояться ему было ничего: ни свидетелей, ни улики. Деньги, как говорят, «запах не имеют», а суммой Аркадий оставил на пропаже не более трех рублей в дупле приватной расщепленной монетной сонсы.

Настинко проходя мимо знакомого улицы палисадника, Колосков даже задержался на минутку около женщины, по всей видимости, соседок, сбившихся в тесный кружок у калитки.

— Ух ты! Куприяновы жалко, так жалко! Оканись у меня свои деньги — отдала бы Евдокии Васильевне с легкой душой, верте-светы! — вспомнил он, сидя на излучине канализации. Надошь. Ведь это ясно: девушка кивает, будто крест несет: Андрей Платонович убил в последний год вора — надо же! Кому веселая победа, а Надюша горе-горько. Потерять такого отца! Брату Володыку, можно сказать, на ноги поставила, а на поверку вышло — только название, что брат! И инженершика тот — французский! — целий год ухаживал до обжигания, сегодняшней, завтра конфеты... Он, оказывается, у этого же женщины жил!.. Он, оказывается, на штанах пуговиц не имел!.. Трешинки потесневшие, и то же! И вот опять!.. Трешинки потесневшие, и то же!.. Несколько раз наклонил голову, и то же!

— Может, и не годится высказывать подобные слова... — негорячо заговорил втограя соседка, женщина с темными, морщинистыми лицами и строгими синими, выцветшими под старость глазами, — но я, думается, собственными руками приковала бы такого черного человека к земле, как элющего пса!.. Прости ты, матвяльдичка, мое великое прегрешение!

— А ему, Мария Васильевна, и так счастья в жизни не будет! — подхватила круглоголовая молодайка, то и дело косящая веселым взгля-

дом на Колоскова. — Не будет, вот попомни-те мое слово! Кто придумал воровать, тому торкны!

Хотя женщина, увлекшись разговором, не придавала значения тому, что к ним приспускался посторонний человек, Аркадию Колоскову не по себе. И даже жутковато. Помалу, впервые он ощущал от предельной ясности, какое презрение это слово, «вор», и с какой ненавистью относится к черному человеку честные люди. Вот и сейчас: догадайся женщины, что это он, прилично одетый и симпатичный по внешности молодой человек, принес несчастье в семью соседей? Колесниковы?.. Но почему же с каждым часом становилось все хуже и хуже настроением?

И главное, куда испарилось то необычайно радостное ощущение полной свободы и, пожалуй, бесконтрольного любования самим собой, с которым Аркадий сегодня днем горделиво вышагивал вот по этому сквернику? Тогда, несмотря на жару и жажду, его, как го-

чатинка пачки сигарет высшего сорта, а к старикам Аркадий обратился только потому, что ему вдруг, неудержимо захотелось услышать приветствое человеческое слово. А когда он услыхал такое слово, его просто в ужас привела неожиданно вторгшаяся в голову мысль, что очень легко украдти портсигар, который старичок вновь небрежно сунул в оттопырившийся карман.

И сразу же мысль эта вызвала у Колоскова состояние обостренного нервного возбуждения и физической собранности, то самое состояние, которое он испытывал днем перед крахом суночки.

Знанят, опять вор!

И хотя решительный залог — навсегда оставить позорное ремесло! — Аркадий дал только своей собственной совести, ему стало очевидно обидно.

Значит, верно сказали: мать два года назад в тюрьме при свидании: «Думала я, Аркадий, что человека простишь, если знаешь, что сын мой — трижды Наминский злыни тебя водой и солью не способны смыть грязь».

И если в то время хоть какими-то оправданием Аркадию могло служить, что был он очень молод, беден, честолюбив и благодаря этому попал в разгульную компанию, то сейчас... Ну, что сегодня заставило его совершить крах? Нужды!

Нет никакой нужды! Может быть, дурное влияние И этого не было.

Когда эти нескончаемые дни обездвижения соединял счастье: Я, Серда неопределенно посыпал Колоскову насчет совместной «работенки» на земле. Аркадий скривился указательными пальцами и сказал только одно слово: «Узел»!

А комендант лагеря майор Прокошев, после того как были оформлены документы, впервые протянул Аркадию руки и впервые же за два года называл его товарищем. Так и скандал:

— Ну, за тебе, товарищ Колосков, я спокойно думал по чистой табака ссыпавши. Только неподалеку училище со строительством: ба-альшая жизнь разворачивается по здешним меркам! А поскользну и ты начинши по-хорошему жить...

— А я вернулся сюда... — товарищ Прокошев! — Колосков не сдержал довольной улыбки после слов «товарищ Прокошева». — Только на месяцок хочу к мамаше съездить...

Это была сущая правда.

Все эти годы Аркадий сберегал глубоко привязанность к дому, мечту о светлой минуте. Да мечтой он представлял себе, как войдет твердым шагами в крохотную, срубленную руками покойного отца хибарку, поставит у дверей новый чмодан с подарками матери и двум сестрёнкам, кепку снимет и повесит у двери на крюк, до которого когда-то не дотягивалася, и скажет...

Неносимым количеством слов перебрал Аркадий в уме, ища слова, с которыми он обратится к матери, сестрёнкам, после долгой и трудной разлуки. И не нашел. Так что, наверное, будет и скажет просто:

«Здравствуйте, мамаша».

Ну, а мать разве не поймете, — не глазами, так сердцем увидит, что вернулся сын. Сколько радости могло быть в такой встрече!

Могло бы быть?

А почему же, в сущности, Аркадий сейчас не сможет этого сделать? Ведь никто его за это не наказывает, кроме самой матери, и в голову не придет, что ее сын в первый же день после выхода из заключения... Нет, никто и никогда не узнает про то, что произошло с ними сегодня. Никто и никогда! Узел! Тем более, именно сейчас у Аркадия появилась твердая уверенность: да, он отрубит эту под одну руку, если она еще раз потянется к чужому добру! И отрубит: решимости хватит.

Шел уже двадцать час вечера, когда Колосков, несколько успокоен своего сна поклонники размышилением, заснул в привозильном ресторанчике. Нужный ему поезд проходил через станцию «Пряжевъ» в две часа ночи. Чтобы скоротить томительное время ожидания, Аркадий, неожиданно вспомнив, что с утра ничего не ел, решил поужинать, что зато вполне подавалася пивком.

Небольшой зал ресторана был переполнен не столько пассажирами, сколько любителями

Максим ТАНК

Что же это за долина

Что же это за долина да без эха,
А зеленая лещица без орехов,
А стремянка без живой, круглой водицы,
Луговине без душстой медуницы,
А судьбинка без любви и дружбы жаркой,
А дичинка без красы призываю яркой
Да белые песни и волной в глазах смешинки!!

О, как славно, что я, все пройдя тропинки,
Не видя такой долины и лещини
И такой стремянки, луговини,
Что судьбинки и дичинки той не знаю
Ни в селе своем, ни в целом нашем крае!

Перевод с белорусского
П. ЖУР.

Азиз АБДУРАЗАКОВ

Горсть земли

Взял горсть землицы русской небольшую
И на ладонь задумчиво гляжу я:
Быть может, в той земле кровинка братва,
В сражении здесь убитого когда-то.

А момент, то не чернозема горстка,
А сердце брата на ладони жесткий;
С Матвеева кургана та сиятына,
Я на груди хранио ее донине.

Когда ты горевала, мама, дома,
В Таштепин принес я горстку чернозема
И молил так не прак перед тобюю,
А сердце нашей Родины живое!

Перевод с узбекского
Марик ШХЕТЕР.

вортится, сама земляница и все встречающиеся
с ней люди казались приятелями. А сейчас?

— Здорово!.. Вас же не найдется, папаша! — нерешительно обратился Колосков к одиночно сидевшему на скамейке строгому на вид старичку.

— Сейчас выяснимся, — сказал старичок и достал из кармана парусинового пиджака серебряный портсигар с золотой монограммой.

В дорогом портсигаре оказались только две дешевенькие папироски.

— Ээ, так я вас недолго! — сказал Аркадий.

— Как вам не стыдно, молодой человек! — Старичок с укоризной взглянул на Колоскова. — Проверь.

Аркадию действительно стало стыдно, а через несколько минут страшно. Стыдно, потому что у него в кармане лежала нерасп-
5

выпить, закусить или просто провести часок — другой под музыку двух блюзистов. За столиками ни одного свободного места: тесно, дышло, шумно.

Но Колоскову сегодня полголовно «Фартиль». Не успел он осмотреться, как послышался обрадованный воягас:

— Хо, Аркашай! Вот кто легок не помине!

Это окликнул Колоскова его недавний однобарачник Яков Середа — рыжеволосый, словно обрызганный крупными веснушками детина. Судя по его всему виду, он давнишний уже приседал за столиком в ожидании двух девиц, в одной из которых Колосков не без удовольствия признал продавщицу газированной воды Лину Раслопову. Вторая была Женя Чебакова, та самая, про которую Лина сказала днем Колоскову, что она «обожает велесных брионетов».

И Середа девушкам искренне обрадовалось появление Колоскова. Да и Аркадий был доволен тем, что попал в шумливую обстановку ресторана. На какого-то время к нему даже вернулся интерес к жизни. Всюду звякалось по-хмельному сердечное знакомство и с компанией, восседавшей за соседним столиком, где коротала время в ожидании автобуса бригада знатного бурлышика Сулеймана Калиева, только что прибывшая из Баку. Разошедшись Аркадий даже заказал блюны, чтобы сыграть в честь дорогих гостей лезгинку, на что Калиев ответил по-восточному цветистой речью, в которой дважды назвал Колоскова «совершенно замечательным человеком».

Однако для Аркадия эта бесхитростная похвала прозвучала двусмысленно. А тут еще, видимо, позавидовавший ему Середа сказал, многоизначительная сощурка левый глаз:

— Лучше-то человеков, чем мы с Аркадией, по здешним местам и не съеще!

У Колоскова эта шуточка вызвала неожиданную реакцию.

— А ну, закройся! — произнес он негромко, но с такой злостью, что Середа изумился:

— Ты что, друг?

— Ничего, друг!

Аркадию снова начали тревожить, а потом и раздражать бирюзовые жемчины. Словно к стодлику подсек какой-то крайне неприятный симптом его грекопадения, который то назойливо поднимался Аркадию, то начинал нащептывать на ухо противные слова.

И окончательно расстроила Колоскова Женя Чебакова. Желая разградить возникшую за столиком натянутость, она завела уже приукрашенный домыслами многих пересказчиков длинный рассказ о том, как на Фалалеевской протоке воры срывали белы дни обобранным изображением Ивана Куприянова.

Хотите, мальчики, верите, хотите нет, а люди вратя не будут: а чьем Надюша ушла на работу, только то и осталось! — Женя Чебакова горестно наморщила обрамленный веселыми кудряшками лобик и запшатала: — Говорят, что соседки из петли девушку вынули...!

Хотя Аркадия Колоскова так и подымывало поправлять рассказчицу, он только хмуро покосился на помрачневшего Середу и, подозвав официанта, заказал еще графин водки.

Пожалуй, никто из жителей Приречья не наблюдал за свою жизнью столько людского горя и горячей человеческой радости, сколько видела каждый день Надя Куприянова.

Если не считать беззаботного погоду служебных уведомлений и предписаний о вывозах и направлениях, о погрузке, отгрузке, разгрузке и движении грузов, младшему сыну связи Куприяновой ежедневно приходилось привыкать и отправлять десятки телеграмм, спустя, а подчас и часыночные сообщающие о больших событиях в жизни той или иной семьи.

Сознание того, что ее скромная деятельность помогает многим людям, разделенным иногда огромными расстояниями, делалось друг с другом своим радостям и горестям, успехами и заботами, приносило Наде истинное удовлетворение.

Всегда хорошо знала трудную судьбу Надюши Куприяновой, удивляла незамутненность ее облика, приветливый взгляд, затененный мхнатеньными реиницами глаз, нетронутая свежесть губ.

За тысячу верст от родного Приречья сражалась греческая пурга отца Нади. На высоком берегу Дуная, в братской могиле воинов, настал свое последнее пристанище Андрей Платонович Куприянов — потонувший волгари. Фотографии этой могилы — вот и все, что осталось у Евдокии Васильевны и Надюши в память о муже и отце. На снимке с трудом можно разобрать надпись, выбитую на обелиске:

«Шумят дубы. Шумят. не умолна, Ни всторг шеет голубой волны. Они хранит поной сидят на берегу Дуная, Защищины свободы сядут погребены»

Детство и юность, приспособленные нужды, лишенный и тревог за добрую и слабохарактерную жену, Евдокии Васильевны, брали Аркадию и вдовечество всего первое, пурпурное и нежное, очень доверчивое и... очень ошибочное чувство. Только человек большей нравственной чистоты и силы способен, пройдя сквозь эти невзгоды и испытания, сохранить улучшившую свежесть своей утренней поры, по-молодому ясный взгляд и звонкий смех. Но и такого человека может сразить несправедливость.

Именно такой, просто издевательской несправедливостью показалась Надя Куприяновой пропажа сумочки с деньгами и документами.

...Мечта возникла давно и, зародившись, помогла девушке пережить и преодолеть земное разочарование.

Случилось это после того, как Надюша принесла и собственными руками наклеяла на бланк телеграммы, адресованную человеку, которого она с полным основанием считала своим женником. В телеграмме было сорок два слова — и каких! — упреки и обличения, мольбы и угрозы, гнев и растерянность —, по-видимому, большое, несправедливо оскорблённое чувство помогло какой-то Тосе вспомнить склон души дальневосточных женщин.

Убедившись воинно, что прибывший на строительство столичный инженер-конструктор Константин Николаевич Петрикев оказался отнюдь не «заморским принцем», а самым обыкновенным ловеласом, Надюша, наполненная горючими слезами подушку-думку, утром отступила лицо родниковской водички, по саднику побродила в раздумье, потом, долгий и торжественно ласкала кота Лоцмана. А когда Евдокия Васильевна, от которой не укрылось удрученное состояние Надюши, срочно нарочито сплеванный вопрос: «Что бы это, Наденька, мне сегодня всяко нюю лошиди синились?», Надюша подошла к матери, обняла ее и, склоня голову на плечо, прошептала:

— Одни ты у меня... — хорошая. И никто мне больше не нужен. Никто!

— Давно бы так-то, — отозвалась мать понимающе: не лежало сердце Евдокии Васильевны к приезжему инженеру. «За такого же нишника козу жалко просматривать, а не то что дочь! — сетовала она.

Долго стояли, тесно прижимаясь друг к другу, мать и дочь. Всплакнула обея, как всегда в трудную минуту, вспомнила Андrea Платоновича. Потом сели рядом на диван и часами час рассматривали семейные фотографии.

Именно в это утро и зародилась у Надюши и Евдокии Васильевны мысль: собрать деньжонок, выхлопотать туристические путевки и побывать хотя раз в жизни на могиле мужа и отца, ответы горсти приреческой земли и рассказать у подножия памятника.

Целый год спустя они эти мечты, бережно и ревностно, никого, даже самых близких знакомых, не посвящали в свои планы.

Долгими зимними вечерами, короткая время за шитьем и рукоделием, Евдокия Васильевна и Надюша обсуждали все до мелочей: и на кого оставить дом, садик и кота Лоцмана и где признать денежонок: ведь в три тысячи рублей не уложишь такую поездку, легкое ли дело!

А весной, когда по всей приреческой спбодке начали расцветать сады, а по реке вверх и вниз побежали нарядные теплоходы, мечта превратилась в уверенность:

— Едем!

Какой же праздничный, увлекательный и волнующий своей неизведанностью представлялся обеим эта долгая и дальняя поездка!

— А в Москве побывать, когда еще предстает случай,— мечтательно говорила Евдокия Васильевна.— Одна выставка чего-то или Третьяковская галерея! А Красная площадь?

— Да, да... Может быть, и в Кремле побываем, молчанико.

— А главное, Надюша, в такой поездке можно человека встретить...

— Какого еще человека?

— Ну... подഴащего.

Веди каждой матери хочется, чтобы ее дочь встретила подождающего человека.

— Глупости какие, мама! — отозвалась Надюша, смущенная тем, что Евдокия Васильевна словно подслушала ее скромные думы.

С весны наступила первая настоящая весна, и в этот момент все девицы помыслы волнуют и невольно сплетаются с кинем.

И надо же было случиться, что именно «она» — молодой и весьма привлекательный человек Аркадий Колосков — нанес страшный, поистине разящий удар хорошей девушке!

— Мама, ну как ты не понимаешь такой простой вещи: после этого мне нельз жить, Нельзя... нельзя...

Если бы такую фразу дочь произнесла надменно, со слезами на глазах, то Евдокия Васильевна крикнула бы: «Что ты, что ты!»

А сама Евдокия Васильевна прямо в ужасе привалила подурневшего размазанный и даже покалый, деревянный тон дочери.

Страшными показались и глаза Надюши: они пристально смотрели в лицо матери, но ничего не видели — пустые глаза. И напрасно Евдокия Васильевна пыталась сказать, как это странно, не утешить дочь, а наоборот, вызвать у Надюши гнев, слезы, пусть даже приступ жестокого отчаяния, только бы какое-нибудь человеческое чувство! Нет, девочка не боится и больше замышлялась о себе, а вернее, утешала в каком-то неожиданном пришедшем шумом в голову и властно сковавшим ее во-рошило решение.

«Смотри, Васильевна, у Надежды твой на ума не хорощеет», — предсторегали Евдокию Васильевну соседки.

А разве нуждается в таком предупреждении? Час, три часа, а может быть, и все пять провела Евдокия Васильевна в напряженном и нестерпимо гнетущем ожидании.

А дочка как лягушка прямо на покрывало, которым была застянута девочка из края (иногда Евдокия Васильевна делает видинки к стене, налево и сплюснуто, будто неживая). Сумерки смыслились темнотой. Потом в комнатке снова посетило. Это луна выкатывалась откуда-то и повисла прямо против окна — круглая и бледная, как оливковый поднос.

Евдокия Васильевна, двигаясь бесцельно и пугливо, задернула занавеску, включила настольную лампу и снова присела на стул в ногах у дочери.

Даже сонливого и невозмутимого Лоцмана в конце концов стало тревожить необычное

спокойствие молодой хозяйки. Кот несколько раз начинял просительно бодать лобастой головой плечо девушки, трескуче нурлыкал, но сегодня Надюша словно не замечала своего любимица.

А может быть, она заснула? Мать то и дело притподнималась со стула и беспокойно вслушивалась: ей чудилось, что уже и дышать перестала дочка.

Ну просто утихомирила тишина стояла вокруг. Потом, когда разделись совсем не громко и непринужденно стук в окно, Евдокия Васильевна даже растерялась:

— Ой, кто это?

Испуганно покосившись на дочь, она поднялась со стула и, крадучись, направилась к окну.

И совсем уже страшным показалось Евдокии Васильевне лицо Аркадия Колоскова, побледневшее от волнения до еще выбеленного холодным светом луны. И голос — хрипловатый, перехваченный спазмами.

— Отойди, мамаша.
— Чего? Чего? Чужой?
— Отойди.

Надюша приподняла с подушки голову. Потом, как бы превозмогая борьбу с трудом отвернулась от стены и села на кровати. Но уже в следующий момент девушка вскочила и с треском метнулась к матери:

— Мама! Мама!..

Как это часто бывало с человеком, долго пребывающим в состоянии глубокого забытья, Евдокии Васильевны сдали в последний момент. И когда Колосков сначала показал, а затем протянул ей в раслаченной оконной заполненной сумочку со словами: «Вот. Все в целости и сохранности», — Евдокия Васильевна как бы в раздумье склонила голову, качнувшись, затем судорожно ухватилась руками за край стола и, потянув на себя расшитую скатерть, медленно начала оседать на пол.

— Мамочки! Да помогите же... Боже, какая ненавидимая!

Молодому человеку не понадобилось и секунды, чтобы перешагнуть через подоконники и притянуть на помощь девушке, с трудом удерживавшей на руках обмякшее и отяжелевшее тело матери.

Но кровать Евдокии Васильевны Аркадий уложил почти самолично.

И вообще, привыкший сейчас ки Надюша раздражался на него, чтобы сбрызнуть мати Аркадий, и секунды не раздумывая, удавил бы бедолагу на поиски такую вдохновенную готовность к подвигу испытывал он в эти тревожные минуты.

Но, к общему удовольствию, для «комильфии» матери оказалось достаточно и колодезной воды: от счастья не умирают — правильные слова.

А ведь Колосков присел, а вернее, возвратил в домик Курпиновой жену, предаденную радости!

Да, она была подлинная радость! Вот почему Надюша и Евдокия Васильевна слушали сбивчивое поэтическое неизъяснимо, перевладываясь и улыбаясь, совсем не скромно. И когда Аркадий подошел в своем рассказе к тому месту, как он, притворяясь «вот эту занавесочку», увидел «на этом столике вот этого котика», а рядом с котиком эту самую сумочку, Евдокия Васильевна покосила головой и сказала наставительницу:

— Вот и верно в старину говорили: деньги близко не клади, вора в грех не води!

Аркадий сразу прервал рассказ, угрюмо потупился. Потом, не поднимая головы, поднялся со стула, расправил на кулаче клетчатую кепку, которую смыла в волнении, кашлянул неловко...

— Мама, что ты говоришь! — воскликнула Надюша. Девушка нерешительно приблизилась к Аркадию, впервые заглянула ему в лицо и сказала приветливо:

— А ты не обижайся, поскольку... Ведь к вам теперь эти слова

неприменимы. И я понимаю вас. Нет, честное слово, может быть, вы сейчас нашли больше, чем мы с мамочкой. Разве не так?

— Да...

Аркадий, как жила укрыта от взгляда девушки свои глаза, низко натянул на лоб кепку и тронулся к двери. Но Надюша ухватила его за руки.

— Куда вы?

— Пойду...

— Пойдите, ведь уже третий час, а у вас, наверное, даже знакомых нет в городе!

— Так уж и нет, — промолвила Евдокия Васильевна, неодобрительно поглядывая то на дочь, то на Аркадия. Судя по лицу матери, она не простила Колоскову его поступка. Да еще и побандалась, по-видимому.

— Пойду.

— Ну, как хотите, — сказала Надюша, как показалось Евдокии Васильевне, с неуместным разочарованием. И добавила: — Постойте, я провожу вас.

Хорошо Приречье в такую летнюю ночь!

Луна плияет над притихшими садами неправдоподобно светлая, круглая; всем, кто на нее смотрит, кажется, что никогда не видывал такой.

Яблони и вишни словно на прогулку вышли. На вязах неподвижная листва кажется серебряной. Дорожки все словно белыми поливочными устали.

Каликта скрипчика с притупившейся скобу юной скамейкой. Эх, и трудно в такую ночь у такой вот забытой каликты расставаться с париком с девушкой! Даже и не влюбленным: ведь в весеннем пору жизни иногда не меньше, чем чувство, волнует молодые ожидания. И Евдокия Васильевна, которая встреча получается такой, как у Аркадия Колоскова с Надюшой Курпиновой?

— Прощайтесь, — сказал Аркадий,

— Прощайте, — сказала Надюша.

А что еще можно сказать? И Аркадий Колосков пошел вверх по уличке со смешным называнием «Фалалеевы протоки».

А Надюша Курпинская закрыла на щеколду каликту, постояла минутку, прислушиваясь к замирающим вдаль шагам, потом медленно подняла голову и поглядела на луну, светлую и холодную.

Обидно...

На новые земли.

Дипломная работа А. Вычугжанина. Харьковский государственный художественный институт.

Весна на Ангаре.

Дипломная работа А. Тимофеева. Московский государственный художественный институт имени В. И. Сурикова.

Вендор.

Дипломная работа Л. Фомина. Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.

ногого аптечного — усмехаясь, сказал бригадир. — Чего ж меня не зовали? Ведь я и на соседней полосе был.

— Да мы только сели. Сядись и ты, — отвела девица.

Когда бригадир снял глубокую кепку, я обнаружил в нем разительное сходство с Леней. Только черты лица у бригадира — звали его Анатолием — были мужественные, решительные, словно умелая рука прописала резцом и опиравши, закончила мальчишеское Ленинко.

Анатолий и Леонид были студентами-заочниками, и разговор во время обеда шел главным образом о предстоящей сессии. Несмотря на видимую неизреченность, беседа не выходила за рамки учебы, и я начал догадываться, что, очевидно, я же человек незамужний, являлся причиной скованности. Поблагодарили за обед, я вышел из-за стола, постели в темноте брезент и пришел.

Белоголовый лебедь не выходил из меня из головы. Высоко в небе тихо пыльно на восток скользил, и я подумал: «Вот же! Где же было лебедя...» — подумалось мне.

Из-за вагончика вышли Анатолий и краевед. Они покосились в мою сторону и прошли дальше, на мягко устланную спортивной зелено-желтой лужайку. Мой товарищ пришел, рядом опустился на траву Анатолий.

— Значит, наложился дело, — помочь, произнес краевед. — Ну, а с уединой той что же?

— Уехала, — отвечал Анатолий. — Я ездил на сессию, случайно встретил ее. Секретаря устроилась. Знаком целинника на жакете. Ко мне наставница бросилась, будто мы дружили какими-то.

Разговор явно не клеялся. Анатолий покусывал стебелек травы и смотрел на Кулину, блестящую панделаке плесами; краевед листал свою блокнот.

Солнце ужеклонилось к горизонту, и нам нужно было спешить на Гусиное озеро. Там сидели на берегу, на поляне, первые серых гусей. С холмами мы не простились: начевать решили на бригадном стане.

Гусиное озеро было скрыто от глаз камышовыми зарослями, окаймлено почками и сочной болотной травой. Мы пробрались к чистой воде и нашли на самой границе зарослей скрапод — низкий шабашник из сухого камыша. Лучшего места и выдумать нельзя. Уложив ружья стволами к воде, мы селились на влажный мх и стали ждать. Впрочем, кто сомневался, что на озере нам было нечего: гуси будут на полосах. Мы закинули сети.

Мне показалось, что я был бы слишком в разговоре, — попыталась я пошутить. — Может, от меня из скромности скрывают какую-то любопытную историю?

Но краевед шутить не хотел.

— Если дашь зарокмолчать, расскажу, — сказала он серьезно.

Я обещала хранить все услышанное в полной тайне.

— Ребята эти, Анатолий и Леонид, — братята, — начал краевед. — Прислали из Ленинска из Тулы. Анатолий — голова раньше, Леонид — сразу же после десятилетия. Окончили, как положено, училище механизации, стали работать на одном дизеле.

Анатолий — командир по натуре. Очень спорный, исключительно дисциплинированный человек. Тогда к знаниям у него большая, он и Леняны учились за собой заочный институт.

Нужно сказать, что поселились братья тогда на квартире у одной злой, а у той — дочь Гали, очень милая и славная девушка. Я знала ее уже несколько лет. Гали была еще школьницей, когда я, старый грехин, обратил внимание на ее глаза — ясные, чистые, словно вине после дождя. Ну, нетрудно догадываться, что ребят ей обето не было. Однако никаким вниманием не дарила, пока не появился в вагончике Леняня. Парень видимый, в фантиков, в разводной газете стихи печатал, прыгали, как косы на березе, быть на самом верху — словом, всем взял. И овладел он мечтами нашей Гали.

Вместе, былоя, вечерами в березовый «элок» бредут, она ему голову на плечо, он обнимает ее за плечи. А в деревне икры строгие. Девушка отваживается идти в рощу только тогда, если дело о садьбе твердо решено и у стариков уже готовится брага. Гали же ни о

чем не думала: Ленинка белобрысая голова — вперед ней заслонила.

Анатолий, конечно же, тоже ходил сам по своей. Занятия настолько приводили его в школьную лабораторию, и здесь он вызывал любопытство красивой незамужней учительницы Виваты Марковны. Она была из тех девушек, которые смотрят на свою работу в деревне, как на затянувшуюся командировку.

И я уверена, этой молодой женщине с кудесным цветом лица и коровьим золотом волосами не сам Анатолий, а экстравагантность их отношения, да и сам, глупый тракторист, не могли в любви — обильности потоком не уместили верных исполнителей машинально ее желания в красноте под ее взглядом, нерешительно предлагаят свой блеск вчерам...

И знаю, как поддался Анатолий на эту удочку, но он влюбился, да там основательно, что однажды среди бела дня пришел к ней и предложил выйти за него замуж. Представляем, какая радость для Виваты! И, конечно же, Анатолий, не думая, проворвал твердого ответа, она первым условием поставила: рече в город. Анатолий поблагодарил ее за откровенность и обещал никогда не попадаться ей на глаза. Словно свое от счастья, хотя было ему, наверно, дьявольски трудно.

Но план провинциальной львицы совсем не входило лишиться воздыхателя. Может, Вивата хотела возратиться Анатолию, может, ее не устраивала ему, но только теперь взялась она за дело. Привезла его к себе и, печально хлюпая росинками, рассказывая о варсте некоторых молодых людей, о разбивтом сердце — словом, пустила в действие весь свой арсенал. «А вы, Леонид, тоже хороши: встречаешься с девушкой, с которой не имеете ничего общего, — как бы между прочим вставила она. — Ведь согласитесь, Гали, — Гали совсем не пары вам, юноше с такими задатками, таким будущим...» И вскоре Вивата и Леонику увидели вместе. Она не стеснялась ческим братьям, смирилась с их троекратным головорубом по берегу Куливы, сидя на лодке за килем, танцевавшая с ним в клубе.

Гали и виду не показывала, что страдает. Леонику по-прежнему жил в ее доме, и встречаться с ним было очень тяжело. Она похудела, стала чуждаться девчачьих, даже глаза ее потускнели.

Леняня оказалась намного под骀нее брата, быстро подпала под влечение Виваты. Нередко теперь можно было услышать от него слова недовольства и этикета, троекратного, и дорожной гравью, и коровьей лавкой.

Отношения братьев испортились. Между ними зрело что-то глухое, зловонное.

Приближалась весна, а вместе с ней и развязка всей этой истории. Однажды в самую распутницу Вивате понадобилось зачем-то съездить в город. Машину не шли, ехать на телеге было невесело, и Вивата решила испытать свое влияние на Леняню. Парень уже не мог противостоять: тайком засел трактор, усадил Гали в лодку и повез.

К почтамту они вернулись. В бригаде ждали его взвешенный Анатолий, участковый механик, тракторист.

Еще издали по стуку мотора догадывались они, что случилось недавно. Действительно, Леняня засел в логу, насосал жидкой грязи и запоры мотора.

На следующий день поступок Леняни обсуждали на комсомольском собрании. Решили снять с трактора, перевести на прицеп для замены стоимость ремонта машины. Но посмотрели бы ты на него в те дни! Другой бы побитым щенком выглядел, а этот чувствовал себя героям.

В это время и приехал я в село. Как-то завернулся на стан к Анатолию. Уже начали боронить. С утра подул снежный ветерок, к полуночи порывы его стали все чаще и сильнее, а на закате разгулялась буря. Ветер разбрасывал с проводов антенн, нес тучи пыли, кружила в вихрях серые шары переката-полы.

Трактористы собирались в вагончиках передать непогоду. Дошатые стены вагончика вздрогнули, скрипнули. Настороженные у всех было сумрачно, сидели молча. И вдруг кто-то, глянув в окно, крикнул: «Ребята, смотрите, лебеди летят!»

Низко, над самым пыльным потоком, лете-

ло стадо лебедей. Утомленные борьбой с ветром, птицы отдышались уже на его воле и летели в скром, ища спасения. Заходящее солнце красило их в золото, и стадо лебедей стало казалось пыткой жемчуга в дождевой пыли.

Смотрим, синхронно, решив сесть на Кулину. Конечно, они видели стан, понимали, что здесь люди, но повернули нам и опустились над нами.

Трактористов изволившими эта доверчивость птиц. Они заговорили о лебедях, стали расспрашивать меня об их жизни, и никто из нас не заметил, как Леняня взяла берданку с роже и выскоцила за дверь. Минуту через две она вернулась, сунув в руку пыльную Копыту на улицу. Кто-то высказал предположение: «Это Леняня лебедей бьет». Действительно, вскоре он появился, но не со стороны Кулины.

«Кого стрелял? — спросил его сторож. — Где лебедя спрятал?»

Леняня посмотрел на ребят, стоявших тяжелой стеной, отдал ружье и побежал. Собаки ее вернулись, нессы из крыла убийца лебедя, и синхронно, пытаясь у наших ног. Не знаю, как чувствовала себя ребята, но мне будто кто в душу плюнул.

«Подлец ты, подлец и есть! — тихо вздохнул сторож. — Птица думала, что ты человек с понятием, а ты так — поганец...»

Анатолий, побледневший, шагнул к брату, поднял скатую в кулак руку и вжал опустившись ее «Ходи ты лучше! — кинул он на Леняну в лицо. — Забирай бражаков и уходи! Сахи я за тебя разберусь!»

Леняня слова не сказал. Попеч в вагончик, стал собираться. И тут не выдержал, опустил руки. «Это я ей, — говорит, — в подор... Уезжает она, хочет что-нибудь красивое в память о стени иметь...»

Но наутро я вместе с Леняной уехал в деревню. А вернувшись, сразу пошел на Гале...

Краевед умолк, в это же минуту вечернюю тишину разрезал смех утных крыльев. Я смысла ружье, но он удержал меня:

— Не вздумай стрелять! Иначе гуси не добьются.

Утки возвращались с полоз вынаполз за выводок и тяжело плылили на воду. Мы博ялись вспугнуть их: ведь стайка уток — лучшая подсадная.

Когда уже совсем начало смеркаться, появилось несколько длиннокрылых темных птиц. Они дали круг над озером и шумно опустились совсем недалеко от нас. По воде пошли края Краевед, а за ним и я подняли ружье. Птицы одновременно гнули два выстрела. Птицы поднялись, но один гусь остался на воде.

Мы долго ждали, пока ночной ветер подгонит нашу добчу к камышам.

Когда мы, дрововые, вернулись на стан, здесь уже все спали. Сторож показал нам на постели. Мы легли. Я шепотом попросил краеведа закончить начатый рассказ. Он посмотрел на меня, покраснев, и начал говорить:

— Что ж тут дальше рассказывать? Сахи все видели.

Пронеслись мы на заре, быстро заправили мотоцикл, собрались в дорогу. Молодецкая повариха была уже на ногах, подкладывала сухой хворост под котел.

Пока мы под трех мотоциклом договаривались с Анатолием о встрече в городе, Леняня запрыг лошадь в телегу с бочкой и потрусил на Кулину за водой. Мы тоже тронулись. И увидели, как она увлекла крик:

— Ле-и! Ле-и! Ле-и!

Гали держала в руке пустое ведро и смеялась, трясла им над головой. Леняня, видно, забыл это. Он повернула лошадь и погнал ее к стану.

Кулиуда, укутанная густым белым туманом, не хотела просыпаться. Только высокие деревья, ветви которых виднелись над белой пеленой. Стан утка вернулся, поклонился с плесом и летел на полосы. Восток уже зеленел, но ночь снежек синяя заставляла плавать заснеженную пыль. Из-под колес летела дорожная пыль, сносила в лицо лицо в теплых воздухах, а в ушах почему-то еще долго звучал молодой, певучий голос:

— Ле-и! Ле-и! Ле-и!

с. Благовещенка. Алтайского края.

Шумят Маромицкие леса

Фото и текст
А. Скурихина.

Зима, настоящая, русская — с морозами, метелями, густыми снегопадами — еще стоит на севере Кировской области, где на сотни километров тянутся дремучие леса.

За окном вагона мелькают высокие мачтовые ели, сосны, плотной стеной заслонившие горизонт. В лесу изредка показываются новые, крепко срубленные живые дома. На разъездах зияют срезы древесиной. Всюду лес, лес, лес...

Маромицкие леса, деревни, куточки, хутора, расположенные 25 километрах от магистрали Петрозаводской железной дороги. Это — молодое хозяйство. Здесь молодо все: улицы поселков Центрального и Верягского, застроенные сплошными из пахучих сосновых бревен домами,

светлые школы, клубы, больница, электростанция. Молод и коллектив лесозаготовки, состоящий из 600 человек. Из них приехавших сюда после демобилизации из армии и флота солдат, сержантов и старшины. Эти молодые люди, избравшие после военной службы новую профессию, крепко прибрали к своим умелым рукам, совершенствуют технику, механизмы последних конструкций, которым предстоит выполнить задачу — закончить драматическую работу. Из 18 миллионов кубометров древесины, заготовленной в прошлом году лесорубами Кировской области, четверть миллиона кубометров дали лесорубы Маромицкого лесстроя.

...Мы в лесу, на участке Николая Богомолова. Еще не улеглась

По снежной целине пребирается на свой участок лесоруб Николай Васильевич Биддинин. За плечами у него моторная пила «Дружба».

метель. Хлопья снега, подгонянные резким северо-восточным ветром, кружатся в воздухе, засыпая волоки — пути тредевочных тракторов, — наметая завалы. Но весь коллектив Верхнекамского лесозавода, как и любой другой лесостанции, устал, утомлен по пологу в снегу, идет вдоль просеки вальщица Ивана Новоселова. Его помощник Виктор Селиверстов подтаскивает электрокабель. Все глубже и глубже удаляются они в сумеречный лес... Вот уже затянулся мотор электропилы. Через каждые сорок секунд слышится глухой удар упавшего дерева. В любую погоду Новоселов и Селиверстов переваливают задания, за смену сваливают по 230—250 деревьев. В прошлом году они дали стране 16 тысяч кубометров высококачественной древесины.

У бывшего моряка Василия Виджинина, приехавшего в Маромиц-

кие леса из Севастополя, в руках еще более совершенная техника — моторная пила «Дружба». Она не требует электрического питания, поэтому и передвижная пилотка, которую раньше таскали в лесу становятся ненужными. Лавко орудия мотопилы, Василий Виджинин не отстает от своих соседей-электропильщиков.

Техника намного облегчила тяжелый труд лесозаготовителей. Мощными тредевочными дизельными тракторами «ГДТ-36» и «ГДТ-40», электро- и мотопилами, дисковыми электрорезаками, гидравлическими пропиловыми кранами и другими механизмами вооружило государство лесозаготовителей.

Хорошо трудятся молодые лесозаготовители в Маромицких лесах! Они дают лес, который идет на стройки шестой пятилетки.

←
Раньше сучья обрезали вручную. На ленте это была работа: помахай-ка торпором всю смену! Теперь лесозаготовители вооружены дисковыми электроСучкорезами. На снимке: комсомолец Григорий Слободин очищает заготовленный лес от сучьев.

Передовой тракторист Мароминского лесранхоза Иван Митин работает на мощном «ТД-40». Он доставляет по волоку деревья с лесосеки к складу.

Погрузка древесины в железнодорожные вагоны в Мароминском лесранхозе.

Перед отправкой готовой древесины мастер леса Николай Богомолов делает контрольную разметку. Из этих бревен будут изготовлены шпалы.

Лесозаготовители приехали в Мароминские леса надолго — трудиться, жить. Многие из них обзавелись здесь семьями. Для детей лесорубов в Верлюгской колонии строят благоустроенный детский сад. На снимке воспитательница Элена Буянова с детьми лесорубов.

Помощник шеф-повара верлюгской столовой Анна Бушueva проявляет много изобретательности, чтобы приготовить вкусную пиццу для лесорубов. Сегодня к чаю пирожки.

СОСА

Как дерзко вскинула сосна
Зеленую вершину,
Как будто в звездный мир она
Вошла наполовину.

Пусть корни сосен на земле,
Где плескает туман узоры,
Где заревленная игла
Краснеет мухомором,

А в высоте,
а в высоте
Лиши ветра дуновенье
И к чистой
утренней звезде
Ветвей приносенье...

Лариса НИКОЛЬСКАЯ

КОЛУМБЬЯНА

Ветерки в ветвях шумели,
Гасли звезды вдалеке...
Два испанца песню пели
На испанском языке.

Наплывали из тумана
Незнакомые слова:
«Колумбьана, Колумбьана...»
Может, ты еще нова?

Ноги слугные, босые,
Нити корялов на руке.
О тебе грустят в России
На испанском языке.

Облака, вперед плывите,
Чтобы песню не затмить,
Ждя, ребята, погрустите,
Вам положено грустить.

Может, вам легко живется,
Может, счастью жизнь полна,
Только родиной зовется
Все же я не эта сторона.

Берега родные, где вы
Другие другом, тоliqua,
Не испанские напевы,
Не испанская земля.

«Колумбьана, Колумбьана...»
Бес покоя и светла,
Из-за моря-океана
Эта песня приплыла.

Далены от этой песни
Южной родины пути
И мадридские предместья,
Позабытые почты.

Но зовут моты звуком,
Грусть невысказанных слов,
И ребята снов дома,
У испанских берегов.

Солнца щелочка косая
Прорезает облака,
Ходят девушки босас,
В смуглых трещинах рука.

Чей-то голос из тумана,
Чьи-то губы в полуслегле...
«Колумбьана, Колумбьана...»
Песня ходит по земле.

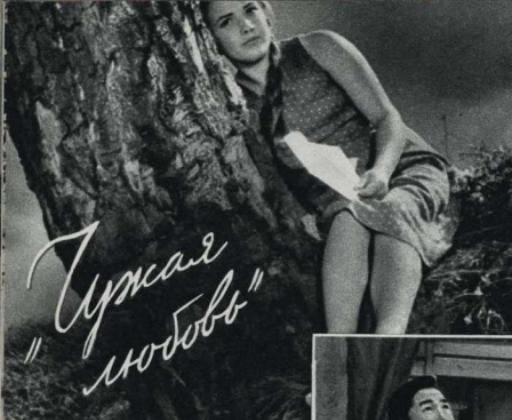

Фото А. Стешапова.

Этот фильм еще не демонстрировался на экранах страны. Тем не менее о нем стоит рассказать.

Первые же кадры вводят зрителя в знакомый и дорогой ему мир простых советских людей. Главные действующие лица — молодая колхозница Настя Коноплова и ее сестра, десятиклассница Лена, зоотехник Борис Иванович и солдат Василий Пирожков. Быстро развиваются события в фильме. И с каждым новым эпизодом все с большими вниманием следишь за тем, что происходит на экране.

Студент Юрий Дубровин в роли Васи Пирожкова.

В колхоз привезают корреспондент, чтобы сфотографировать зятную телятницу Настю Коноплово. На обложке журнала появляется ее портрет. Имя молодой колхозницы становится известным всей стране, и она начинает получать сотни писем от совершенно незнакомых ей людей. По просьбе Насти в ее отсутствие поступает ее старшая сестра — Лена. Одно из писем производит особенно сильное впечатление на Лену. Это письмо от солдата Василия Пирожкова, который горячо и ис-

узнает о том, кто ему писал, лишь после того, как встречается с сестрами.

Заключительные кадры ярки и трогательны. Замешательство Вашина после разговора с Настей, душевное смятение Лены, роящейся на пол. Всё письма, которые она берет в руки, — это по-настоящему волнует, ибо согрето неподдельной внутренней теплотой. И когда невидимый артист Пирожков произносит: «Так вот ты какая, Лена!» — вместе с ним радуешься его любви, отныне уже не «чужой». Запоминаются и многие видовые кадры фильма, овеянные подлинной поэзией русской природы.

..Фильм, о котором мы коротко рассказали, называется «Чужая

Рабочий момент съемок. Здесь мы видим студентку Анну Красову, исполняющую роль Лены Конопловой, и операторов-дипломантов Василия Кириненкова и Вадима Историкова.

кренение выражает свою смущенность к Насте. Но, невзирая на просьбы и уговоры младшей сестры, Настя наотрез отказывается ответить Пирожкову: она влюблена в зоотехника Бориса Ивановича. Тогда Лена решается ответить сама, но свое письмо она подписывает именем старшей сестры. Проходит неделя. Месяц. Между Леной и Василием начинается переписка. Постепенно эта «зазорная» дружба перерастает у девушек в первую, светлую и романтическую любовь. Василий Пирожков

любовь». Он создан по мотивам рассказа Ларисы Федоровой группы студентов-выпускников Всесоюзного государственного института кинематографии. Режиссеры-постановщики — Олег Николаевский и Анна Шахматилева, операторы — Василий Кириллов и Вадим Костроменко.

Фильм-диплом, удостоенный отличной оценки государственной экзаменационной комиссии, заслуживает того, чтобы его показали широкому зрителю.

Б. ЗОРИН

Молодая артистка Клавдия Хабарова в роли телятницы Насти.

Мы сидим в вагоне. Плавно покачивается чайто сумка на стете, за окном пробегают вечерние огни пригородных селений.

И вот мы мечтаем — Верочка, моя бывшая однокурсница из университета. Мы не виделись с ней три года: сразу после распределения я уехал в небольшое сибирское село преподавать литературу и русский язык, а она осталась в Москве.

И вот десять минут назад мы случайно встретились на платформе Казанского вокзала. Веря слегка покраснела, когда я спросил ее, как к этой встрече относится родители:

— У нас нет родителей, — сказала она, — я родилась в семье университетского профессора. Тогда, когда я родилась, отец ушел из семьи, а мать умерла. Я родилась в один день, когда отец ушел из семьи.

Я смотрю на Веру, она совсем не изменилась. Тоочно такая же, как три года назад, когда в дни экзаменовбегала по узким коридорам университета. Только, кажется, наряднее стала одеваться до восторга красить губы...

— Разглядываешь?

— А как же... — улыбнулась я, — давно не видел!

Но Веру я гляжу... Постарела? Полушата?

Я знаю, что Верочка шутит, и не отвечаю на вопросы.

— Как живешь? Замуж вышла?

— Нет еще.

— А работает?

— Все там же...

Еще раньше, накануне писем друзей я знал, что Верочка оставалась в Москве, устроилась по специальности, работает в кинолаборатории какого-то министерства.

— Все там же, — повторяет она со вздохом. — А ты как? Доволен?

Я рассказываю о далекой школе, где учитель литературы одновременно ведет и логику иностранных языков, а историк — географию. — Трудно, конечно, — сообщаю я многозначительного. Но ведь работы не хватает, они должны получать знания.

Потом я говорю о клубе, где мы организовали хор и оркестр народных инструментов, а прошлой весной поставили «Любовь Японию».

Вера, зябко вздрагивая, прятает подбородок в воротник модной шубы.

Впечатление такое, будто ей холодно не потому, что зима за окном и электричка плохо отапливает, а от пребывания большого ряда воротников.

Слушай, Верочка, брось все и уезжай отсюда. Ведь уже три года прошло!

Она качает головой и поворачивается к окну. В темном квадрате стекла я вижу ее расстроенное лицо, и мне становится не по себе. Кажется, что складывается у Веры жизнь! Хорошая девушка, способная на многое, но почему-то годы на кинолаборатории, где она работает, проходят впустую. Раньше мы понимали, что материал для тяжело поддается? Ведь вы тоже хотите, чтобы мы хорошо сдали, так помогите нам...

Б. АНДРЕЕВ

СВОБОДНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Рисунок А. Плукова.

Начиная со второго курса ее ежегодно избирали в комсомольское бюро, загружали всевозможными общественными поручениями. Студенты, преподаватели, лаборанты и секретарши в деканате ласково называли Верочкой. Не Верой, а Верочкой. Верочка! И это было особенно приятно для любой девушки. Не потому ли, бывало, если нужно навестить больного, если нужно выбрать больного, если нужно выбрать Веру: требовалось выбрать кому-то подарок, доверили тоже ей.

Никто, кроме нее, не мог убедительно поговорить с деканом о переносе экзамена с одного дня на другой. Бывало, собирается у кинолаборатории группа и декан, когда появится профессор. Декан выйдет, окнет взглядом работой и, навесив на себя прищур, нахмурится.

— Александр Иванович, трудно... — скажет Верочка.

— Понимаю, — буркнет профессор.

Мы же хотим лучше подготовиться!

— У вас было время.

— Но вот не вышло. Разве мы понимаем, что материал для тяжело поддается? Ведь вы тоже хотите, чтобы мы хорошо сдали, так помогите нам...

Профессор слушает, возражает и в конце концов соглашается.

Успеха Верочки хорошо, причем достигла этого без особого напряжения. Ей однажды легко давались и древние языки и произ-

ведения русских классиков. Она любила посещать музеи, картины галереи, выставки. У нее, несомненно, был талант к прекрасному, и кто же, как и Веря, с ее чуткостью, мог помочь? И надо сказать, что многие из добровольцев, затраченной на это, казалось, уже наддоело и вместе с тем было так дорого нам!

В ту весну неожиданно загрузился Николай. Его все реже и реже встречали в компании Верочки. Но почти никто не обратил на это внимание: пора была горячка, дни и ночи не смолкли голоса у географических карт, студенты изучали дальние маршруты, готовились к путям.

Пришел день распределения. Комиссия пущена в дело. Алья, в городок, который возник там совсем недавно. Сергей тоже должен был работать на периферии — он попросил направить его в Полтаву, где у него были родственники. А Верочка прислала в комиссию медицинскую справку. У нее оказалась тяжело больной мат, и уехать из Москвы было нельзя. Когда комиссия заявила в решении оставить Верочку в Москве, в протоколе против ее имени появилось два слова: «Свободное распределение».

Мы успокаивали Верочку, как могли:

— Не грусти. Мама поправится, и ты приедешь к нам...

Она почтительно улыбалась, обещала писать, не терять из виду

На факультете Верочка считалась одной из самых активных.

малось, Верочек не избежать выговора. Но поглядят, бывало, одни из охранников, ее спутники — глаза на пыльце пыли и машинально рукой, бросив сухо: «Давайте голосовать, ребята! Ведь не забуди: Верочка есть Верочка!»

На четвертом курсе стали Веру часто видеть в обществе двух студентов — Коли Смирнова и Сергея Романова. Ребята эти были разные. Коля хорошо знал искусство, разбирался в литературе, но был молчалив и даже несколько замкнут. Смирнов же был энергичен, тяготел к Вологодской области, где родители его работали в колхозе. Достатки их, видимо, были невелики: три года подряд Коля «форсил» в одних и тех же полуспортивных полосках брюках, а вместо пиджака надевал лыжную куртку.

Сергей был сыном известного артиста. Он умел с пасфосом читать пьесы, петь песни, исполнять мелодии пляски с разном. В драматическом кружке играл всегда главные роли и любил выступать на диспутах о дружбе и товариществе. Коля на таких диспутах обычно молчал и только слушал других.

Вначале нам казалось, Верочка неравнодушна к Николаю, а Сергей ни при чем. Потом, наборот, все решили: ей нравится Сергей. Где-то вдалеке Чрезмерное влечения делались новые догадки, пока наконец мы не машинально руки. В самом деле, сколько можно заниматься этим?

Дин экзаменов Верочки чаще видели с Сергеем. Все отлично понимали, в чем тут дело: учились Сергей неважно, много пропускал. Надо было наверстать упущенное, и кто же, как и Веря, с ее чуткостью, мог помочь? И надо сказать, что многие из добровольцев, затраченной на это, казалось, уже наддоело и вместе с тем было так дорого нам!

В ту весну неожиданно загрузился Николай. Его все реже и реже встречали в компании Верочки. Но почти никто не обратил на это внимание: пора была горячка, дни и ночи не смолкли голоса у географических карт, студенты изучали дальние маршруты, готовились к путям.

Пришел день распределения. Комиссия пущена в дело. Алья, в городок, который возник там совсем недавно. Сергей тоже должен был работать на периферии — он попросил направить его в Полтаву, где у него были родственники. А Верочка прислала в комиссию медицинскую справку. У нее оказалась тяжело больной мат, и уехать из Москвы было нельзя. Когда комиссия заявила в решении оставить Верочку в Москве, в протоколе против ее имени появилось два слова: «Свободное распределение».

Мы успокаивали Верочку, как могли:

— Не грусти. Мама поправится, и ты приедешь к нам...

Она почтительно улыбалась, обещала писать, не терять из виду

ные лучи прорываются через склонные гребни, свет потоками устремляется на белоснежные горы, и вновь дрожат, поднимая все новые и новые вершины. И вот тень остается только далеко внизу, в долине, склонившейся к морю облаков. В бинокль видны все детали далеких склонов: синий дым от лесных пожаров, яркость сини подчеркивает ощущение высоты и создает то приподнятое, всегда неизменное ровное и величественное, которое захватывает человека в горах. Перед нами Тянь-Шань.

Взгляд останавливается на извилистых серебристых нитях, пересекающих неизвестные горы, — это следы оленей. Вскоре мы видим и еще заметные движущиеся точки. Далеко!

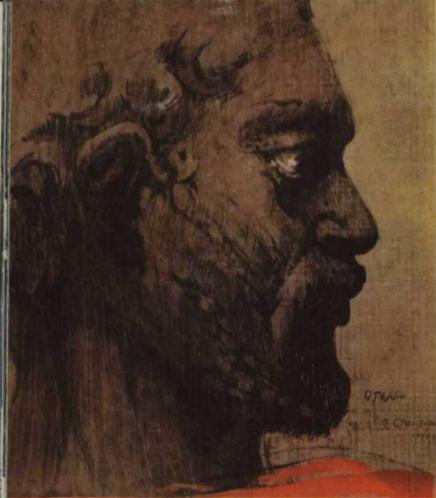
Все утро и весь день стараемся приблизиться к чутким, пугливым животным. Уже вытряхнув под солнцем засаленные фотографии, покрытые конными силонами. Мы успели несколько раз выскочить, перескакивая с седла на сани, забывши а стадо все уходило от нас. Под конец решили разделиться. Толпящиеся в сбоях олены, толкновения снизу, я же стал набирать высоту. Многоголосым эхом покатились высотные звуки. Вскоре цепь оленей, изменив направление, стремительно уходила от опасности. Пробивая снежную цепь, олены склоняли за собой глубокую траншею.

Неожиданно большой самец с коричневой гривой, как горячий, пробежал там близко, что я не успел его снять. Вслед ему коротко самец с темной гривой, поднявшись на бегу, попрыгав склоном, переваливало гребень и невольно останавливалось убитый санями на склоне, спасая тяжелые рога.

— Готов! — кричу я, и эхо повторяет мой крик.

Несколько бегут еще один тэн, очевидно, отбившийся от стада. Тогда я заряжаю ружье и, выйдя из саней, сажусь на санях, нам уже не нужен у нас и так богатый трофей.

«ОТЕЛЛО»

Большой любовью пользуются в нашей стране бесмертные произведения английского драматурга Уильяма Шекспира. Целые поколения артистов, художников, режиссеров получили свое художественное воспитание на произведениях великого писателя и сегодня обращают свои взоры творческая молодежь.

Выпускники Московского художественного института имени В. И. Сурикова Элеонора Степанова, член Союза художников, посвятила трагедии Шекспира «Отелло». На этой странице воспроизведены эскизы грима Отелло и Дездемоны (вверху) и эскиз декораций финальной сцены «Отделло».

«ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ»

Среди поэтических голосов, рожденных бурей гражданской войны, голос комсомольца Александра Жарова был сразу услышан:

Я делегат небесной рати,
От военного Нена,
А — солдат — мой председатель
И на земли и в облаках!

Этими стихами, выдержавшими испытание временем, открывалась книга Александра Жарова, вышедшая в издательстве «Советский писатель».

Александр Жаров посвятил свою лирику советской молодежи. Не в его лирике неизменно чувство поэтических строк немало шалка, немало словца-сырца. Но перевечивая сейчас языком избранные стихи, большинство которых знакомо людям моего по-

жизни им написаны стихи и поэмы, запомнившиеся и полюбившиеся читателю. Среди них стихотворение «Ленин на третьем съезде РКМ» мне кажется одним из лучших произведений о Ленине в нашей поэзии:

Простой... Родной...
Любимый... Мечт... Жил...
В руке листок...
И в этот день
Он и двадцать лет
Нам написал
Программу
Комсомола.

И странно видеть в этом сборнике среди других стихотворений такие стихи, как «Письмо любящей», которые мне представляются не лучшими в творчестве Жарова. В то же время в сборнике не нашли места некоторые старые стихи, которые и сегодня звучат хорошо. Мне жаль, что в сборнике «Поэмы о сентиментальном дружбе»

Военная, поэма, пропущенная не сколько доработкой. Что ж, автор жив в трудах способен и не так давно сделал прекрасные дополнения к поэме «Гармонь». В свое время «Гармонь» была событием в нашей поэзии. Некоторые ее строки до сих пор вспоминаются в поговорке:

Гармонь, гармонь!
Родимая сторона!
Поэзия советских деревень!

Эти слова повторяют иной молодой человек, даже не зная, что они принадлежат Жарову. Мне приходилось слышать, что поэма «Гармонь» испытана из молодежных влечений вместе с новыми, поэтическими глазами. В книге эти глаза стояли бы быть, нарушив хронологический порядок, сразу после поэм.

Фронтовые поэмы «Богатыри» и «Керим» — эмоциональные поэтические очерки о живых, конкретных людях. Всю Отечественную военную лирику, фронтовую, кроме только что названных поэм, написал много стихов и песен о службе морской, среди них такие широко известные, как «Заветный камень».

Еще задолго до войны кто-то издал поэзию Жарова первой любовью комсомола. Сейчас выросло уже несколько поколений комсомольских поэтов. В свете их достижений особняком стоит поэзия и программа первых певцов комсомола, но все равно мы относимся к ним с благодарностью и уважением.

Павел ЖЕЛЕЗНОВ

ПОЛЕЗНЫЕ

ВСТРЕЧИ

На тесном московском дворе, зажатом высоченными домами, ребята играют в «чапаевскую ливни», ведут «гражданскую войну» с соседскими малышиками. Потом эта «дивизия» распадается: «чапаевцы» становятся пионерами, комсомольцы — судьи, инспекторы. Прокладывают лес. Стационарную линию на остановке троллейбуса. И мы узнаем, как идут по жизни и первый командир «дивизии» Федка Петров, и спутник-«сынчика» Таня, и Толька-«сынчика», и Миша Ромейко, которого так

не любили ребята, хотя папы и мамы всегда ставили его в пример.

Другое название, которое более подходило бы к сборнику рассказов Василия Ардаматского «Встречи», — «старомодный» — и в ее воинских походах и в ее стrophой учебы мирных дней.

Читателя несомненно, обрадуют такие стихотворения, как «Шинель», «Все умеем понимать», «Призынь». Поэт умел пользоваться гиперболами:

Обвал, как вали тижел...

...батарей,

Внизу, под нами, шар земной
трясется...

Василий Ардаматский

ВСТРЕЧИ

Михаил Светлов

«У подножья высокой горы» стоит герой Василия Ардаматского. Одно изображено на ее, как Толька Щербаков, как команда экипажа подводной лодки (рассказ «Святые люди»), другие пока еще только начали тяжелый подъем. Для третьих, таких, как Ромейко, Степан Гаврилович Банников, Башкиров, уже непривычная гора: они болтят ее головорубительной высоты.

Есть книги, читая которые дадешься, по-хорошему завидуешь героям, страдаешь вместе с ними, учишься у них жить, вместе с автором осуждаешь и негодуешь. Таких книг много, и одна из них — сборник рассказов Василия Ардаматского «Встречи».

Т. ШПИГОВА

К ВЫСОТАМ

Он умеет широко передать видимую нам панораму, хорошо видит пейзаж:

Зеленый кукурузный стебель...
Качает сабельной листвой...

Муза И. Лашкова неплохо шагает в строю наших армянских поэтов. Но большой поэт не просто шагает в строю, а ведет строй. Большой поэт не похож на другого поэта. Если, скажем, наборщик забыл набрать фамилию автора, то читатель все равно разберет, какие стихи пропущены. Тридцатилетний поэт Смычко, или Исаакянский, или Мартынов. Не правда ли, это так? А вот у Лашкова много стихов, которые мы уже будто читали у других авторов. Подобное впечатление создается потому, что иногда поэт только подмечает действительность, а не углубляется в нее, берет то, что лежит рядом. Так, скажем, «старомодный», как «Под дождем» (в книге порядком таких стихов), ног написать не только Лашков.

Что еще мешает Игорю Лашкову стать крупным поэтом?

Недостаточная требовательность в работе. Скажем, небрежность рифмовки. Но какие же это рифмы! Их можно перепутать — плавильщики, дутчики — примчались, благоухают — ставен и т. п.

Хочется, чтобы этот краткий разбор помог галантливому поэту Игорю Лашкову стать строке к себе, помог понять, что подниматься к вершинам нельзя, стоя на месте.

Михаил СВЕТЛОВ

КТО ПРАВ?

Десятины писем со всех концов нашей страны пришли в редакцию. В них читатели — люди, разные по возрасту, склонности, профессии, — горячо обсуждают вопрос, поставленный в статье Н. Волкова «Кто прав?»

Мы — письма — и только-только вступающей в жизнь десятинастиницей и умудренной опытом матери семейства — проникнуты одним излюбленным нами желания — помочь Кате правильно понять то, что происходит в ее жизни. И мы с радостью откроем ей путь к самому большому и сердечному шагу в жизни, наименование которого — любовь.

Не имея возможности опубликовать все письма, полученные редакцией, мы благодарим читателей, проявивших живой и глубокий интерес к материализу, опубликованному в «Смене».

КАТЕ НЕ ПРИДЕТСЯ РАСКАНВАТЬСЯ

Не забываешься в испиренности Виненти. Ката дала согласие на брак. Ослепленная чувством, девушка не смогла увидеть в Забавине человека, которого у нас принято называть «стигиями».

Общественный интерес — как и общественные страсти — грызут нас людям? Чему учиться? Зачем трудинься? Берн от инженера все, что может предложить, и это неизвестно. А потому был естественен вопрос Виненти, когда Ката сообщила, что берет у него в подарок первичный строительный техникум: «Зачем тебе это понадобилось? Ты будешь же инженером, а не хозяином этого дома сидеть? Не замерзн!»

Чувства Виненти далеки от настоящего любви, которая не знает границ ни во времени, ни в расстоянии. Я расскажу о двух случаях, которые произошли в жизни Кати.

...В юные годы капитан Н. был ранен. Для него насталая вечная ночь. В воспаленных глазах девушки кончились жизни самоубийством, но, ничего не видя, не мог осуществить свою мысль. Ката спасла ее подругу Наташу, с которой училась в университете. Вони закончились. И вот однажды Ката привезла письмо от любойной. Письмо было пыльным, немножко, скорее истлевшим. На конверте было написано: «Ката, спустя два месяца она прибыла в госпиталь».

Сейчас у них уже две детей: они счастливы. Она читает лекции по истории западноевропейской литературы, а он — о философии и диалектическом материализме.

Так настоящая любовь поставлена на ноги. Их любовь — это любовь к жизни, к земле, к народу, вернувшему его к жизни.

...Студентка А. полюбила молодого врача Петра И. Бородина. Женщина против брака быть может, ее сердце чувствовало непрочность их привязанности, и она хотела доказать своего согласия. Но девушка доказала свое. И вот прошло немного времени, как примирилась: «заняты» были, конечно же, приватные матери... В этот же день Ката расканивается на приданое!

А. КОНДРАТЬЕВ,
преподаватель.

г. Омск.

КАЖДАЯ МАТЬ ПОСТУПИЛА БЫ ТАК ЖЕ

Мать Кати, Анна Сергеевна, размышляет: правильно ли она поступила, не разбить ли она счастье своих детей?

Разрешите и мне высказаться на этот счет свое мнение. На Виненти Забавин не жалует четырех лет. Он не имеет счастья отца, катает на «Тоболе» своих поклонников: сегодня одну, завтра другую.

Ката искренне жаль. Она пополнила париж, который смотрит на нее с презрением. Правильно ли она могла бы «распустить» Кату раньше, когда тот воспротивился жестью, которую хотел привести в строительный техникум?

Отец Петр Васильевич, без раздумий, поддержал право Каты на сдачное дочерью. Возможно, он решил так потому, что Кешин папаша — хороший человек, а значит, потому, что хочет сноровить племянницу.

А. АКСЕНОВА, писательница, привилена. Но ее мать каждая мать поступила бы точно так же. Моя симпатия всецело на ее стороне,

и пусть она не обращает внимания на разговоры муза и соседей.

Для Кати этот случай должен стать борьбой, чтобы научиться не только хорошо владеть своими чувствами, но и проверять, не ошиблись ли они.

Разумеется, что случай, описанный в журнале, вызывает различные эмоции. Я высказал свою точку зрения.

Ваш читатель Маринуш ЭРВИН.

Г. Жилина.
Чехословакия.

ЛЮБИТЕЛЬ ЛЕГКОЙ ЖИЗНИ

Умудренная жизненным опытом, А. Виненти сумела разглядеть за красной внешностью Виненти его гнилую душу.

Что это за человек, если он не может назвать, как он себя называет? Это бездельник, который живет за счет папы и мамы, расстроченная пенсия, которую ему платят из бюджета. Учится в институте он не может (знает, что провалится экзамен), работает, когда безбедно можно и так, за счет родителей! Да и в том случае, когда он сам не может, он разлезается на папиной «Победе», катает молодых девушек, нуриет в пивных, попрошайничает, поглядывает на сверстников. Ката он искал не подругу жизни, а груду вызыянок, красную внешность, которую он считал привлекательной для любителей легкой жизни. Ех мало, но они являются большим злом в наше общество, с которым надо вести решительную борьбу.

С. ВОРОНЕЖЕВ
с. Чаплыгинской области.

ДЕЛО НЕ В ПРОФЕССИИ, А В СЛОВЕНЬЕ

Мать Кати, Анна Сергеевна, говорит, что на месте Виненти она хотела бы видеть простого, рабочего парня. Хочу сказать на это, что привыкнула к тому, что Ката не может быть не только рабочими, а и техниками, и инженерами, и врачами...

Ката, несомненно, надеет себе настоящего друга в жизни, любящего и верного. Пройдет немного времени, и она с благородством вспомнет венчание, которое совершила ей совершенный тот шаг, который испортил ее будущее.

С. ЧЕРЧИСМОНТ,
инженер училища механизации сельского хозяйства,
пос. Акварево, Тульская область.

ХОРОШО ИМЕТЬ ДРУГА...

Хорошо иметь друга, который, но друга, настоящего, правдивого и честного, с которым смело можно идти в жизнь через любые трудности.

Ката была очень непрятна читателям о поведении Виненти, но, и капитан, и его жена, капитан Наташа Забавин, в нашем обществе еще встречаются.

Ката, конечно, что Ката в будущем будет более серьезно подходить к выбору друга, а что она встретит — пока что не известно.

По поручению читателей и работников детской библиотеки № 11 г. Иркутска я пишу письма в газету «Иркутский рабочий» и областную газету «Л. К. КОРОГОЛ, В. КОВАЛЬ, И. МЕЛЬНИК, З. КОНОВАЛОВА.

Иоганн Вольфганг фон Гёте.

Портрет работы художника О. Кипренского, 1823 год.

Göthe
(К 125-летию со дня смерти поэта)

Величайший немец, как Фридрих Шлегель называл Гёте с глаубоким уважением, относился ко всему, что было связано с Россией. Двенадцать лет Гете говорят о пристальном внимании поэта к деятельности выдающихся представителей русской культуры. Знаменательно, что, будучи пролетавшим поэтом, Гете послал свое перо гению русской литературы — Т. А. С. Пушкину.

В своем опередил в России гений, который, несмотря на то, что в своем национализме по-прежнему имел многочисленных поклонников своего таланта. Уже в 1780 году в переводе О. П. Козодавлева вышло до издания его юношеская драма «Клавдий». Переводчик в предисловии писал: «Сочинитель сея, переведенные мною, трагедии приобрел не только в Германии, но и во всем ученике — величайшую славу своим сочинениям, ибо в Германии, как и в России, Гете — величайший поэт».

«Верттер», сие прекрасное произведение его пера, сражало его с лучшими немецкими писателями, как и прочие его творения заставляли весьма великую из всех людей похвалу.

Через год вышел русский перевод «Верттера». Как и во всех странах Европы, в России этот роман был встречен восторженно и вызвал много подражаний. Одна-
ко если у Гете в «Верттере» представлена трагедия безволия, породженная злым характером, когда человек приводит свою судьбу в зависимость от других, то в подражательских произведениях весь конфликт сводился лишь к неудачной любви.

Конечно, пассивность Вертера была чужда и непримлема для людей действия, таких, каким, например, был А. И. Герцен. Говоря о воздействии на него германского романа, он писал: «Я гордился слышанием плааков над его кончиной. Жаль его — а ведь пустой малый был Вертер».

Гете был сыном своей страны, своего века. В его творчестве отразились многие существенные стороны современной ему действительности. Он написал около 1 600 стихотворений. Многие его поэмы похожи на музыкальные пьесы. Такие мелодии, как «Корибифская невеста», «Лесной царь», «Ночная песнь странника», «Половеза розовая», «Песенка Миньона», пользуются мировой известностью. Лирика Гете свойственна жизнерадостность, светлость тонов и красок, восхищение человеческим разумом и красотой природы. Творчество поэта всегда связано с жизнью. Он говорил:

«Все мое стихотворение — стихотворения на случай; все они выражают действительность и глубоко в ней коренятся. Стихи, взятые из воздуха, я не ставлю ни во что».

Поэзию Гете высоко ценил В. Г. Белинский. «Гете», — писал он, — «невысоким великом в большей части своих лирических произведений». Переводы стихов Гете в России начали появляться в 1785 году. Одним из первых на русском языке был перевод стихотворения «На сладчай гром», переведенное И. Дмитриевым. Н. Гербелль, редактор «Собрания сочинений» Гете в переводах русских писателей, вышедшего в конце семидесятых годов XIX века, отмечая распространность произведений поэта, указывал: «Что же касается мелких стихотворений Гете, то русские переводчики, двадцатых, тридцатых и сороковых годов обходились без перевода хотя бы небольшой лирической пьесы великого немецкого поэта, или отрывков из его «Фауста», «Торквата Тассо», «Ифигении в Тавриде», «Германа Доротеи», так как почти каждый поэт того времени считал не приемлемой себе обязанностью перевести хотя бы фрагмент из Гете...» Образами к списку переводчиков мы находим тут десятки имен, среди которых Жуковский и Грибоедов, Лермонтов и Тургенев, Тютчев и Брюсов. В. А. Жуковский, отмечая влияние немецкого поэта на его творчество, писал:

В далеком полгунном свете
Твою музыку я знал,
И для меня мой гений Гете
Животворитель жизни был!

«Фауст», о котором А. С. Пушкин говорил, что он «есть величайшее создание поэтического духа», привлек внимание многих русских переводчиков. Имеется свыше 20 переводов этого произведения. «Фауст» был делом всей жизни поэта: он писал его шестьдесят лет. Здесь Гете вложил опыт своего поколения, свои раз-

мышления о том, как должен жить человек. Не зная законов общественного развития, отвергая революционные способы борьбы, поэт мечтал об идеальном устройстве человеческого общества. И в Германии и в России силы реакции встретили «Фауста» недоброжелательно. Молодой Маркс в иронической эпиграмме на одного из таких реакционных критиков, выступивших против антирелигиозной направленности «Фауста», замечал:

Прекрасного у Гете, прапрада.
много,
но нет признания: «Оно из Бога».

Первая часть «Фауста» была переведена в 1835 году Эдуардом Губером, но царская цензура запретила опубликование этого первого творения. Молодой переводчик, вспомнив о своем успехе, рукоопись был блокирован самим Губером, ободрил его и заставил приняться за восстановление перевода. В 1838 году в изуродованном цензурой виде было опубликовано из «Фауста» более трехсот стихов.

Позднее переводы «Фауста» были сделаны Струве, Островским и Ходловским. Годами в ожидании первой части «Фауста», Струвовщик выучил подлинники наизусть. Он перевел гетеевскую трагедию шесть раз подряд. После завершения очередного перевода он запирался в ящичке письменного стола, а клочок от него бросал в Неву, чтобы при создании нового варианта нельзя было взглянуть на предыдущий. То же самое можно сказать о Т. Струве, который работал десять лет. И когда у него оказалось шесть переводов, он вскрылся ящики стола и, пользуясь всеми шестью вариантами, составил седьмой, наиболее точный перевод «Фауста».

Н. А. Ходловский совершил столовой своей перевод «Фауста» на протяжении тридцати лет, добившись высшей степени достоверности и приближения к подлиннику. Выдающееся произведение Гете

Веймарский дом Гете («Гартенхауз»), в котором поэт жил с 1776 по 1782 год. Здесь он написал ряд крупных произведений, в том числе «Эмсенте», «Ифигению в Тавриде» и другие.

взошло в сокровищницу мировой литературы. Образы и выражения из «Фауста» часто использовались в своих публицистических статьях классики марксизма-ленинизма. Владимир Ильин Ленин не раз повторял гетеевские слова: «Теория, дробь моя, сера, но зелено вечное дерево жизни».

Более семидесяти русских композиторов писали музыку на произведения Гете. Кто не знает «Блоху» Мусорского или «Лесенку» Мильонова Чайковского!

Гете проявлял исключительный интерес к русской литературе, науке и искусству. Он был Почетным членом Российской Академии наук, Харьковского университета и ряда научных обществ. Сильное впечатление произвели на Гете разорванные его печальным тоном русские народные песни, которые он читал в переводе Ф. Л. Челаковского. Но прославленному ему были посланы работы палехских мастеров — братьев Андрея и Петра Коробьевых.

Богом признанный в России поэт подробно расписывал о жизни русских людей. Может быть, знание русской действительности и помогло Гете предугадывать исход Отечественной войны 1812 года, чем он в свою время поразил близких друзей. Когда русская армия отступала под натиском войск Наполеона, многие в Гете говорили, что это были русскими пригрозы. Однажды в присутствии Гете кто-то из собеседников заявил: «Ну, теперь Наполеон

нужен удержу не будет, нам предстоит увидеть его всемирную империю». «Погодите! — ответил Гете. — Еще посмотрим, много ли из его армии вернется в живых из России!»

Ф. Энгельс, дав гобеленовую характеристику Гете, отмечал прозорливость в творчестве генialного немецкого поэта, который все же не смог преодолеть убожества окружавшей его феодальной действительности. Отгромные изменения произошли в мире за 125 лет со дня смерти Гете. Но это мелкое и слабое, в чем проявлялась устремленность мира поэта, по-тому что сама жизнь не оправдала великое и непрекращающееся в его творческом наследии. Не случайно и в наше время лучшие сочинения поэта продолжают оставаться в арсенале борцов за свободу и счастье человечества. Знаменитые гетеевские строки:

Лишь тот достоин жизни
и свободы,
Кто находит день за них идет на бой —

укрепляли боевой дух томившегося в фашистском застенке Эрикста Тельмана, который до последней минуты своей жизни твердо верил в окончательную победу дела рабочего класса. Эти строки не могут не волновать и советских людей, самоотверженно борющихся за построение коммунистического общества.

Л. ЕРИХОНОВ,
кандидат филологических наук.

Рабочая комната Гете в «Гартенхауз».

они только этого хотят. Они хотят, чтобы мы были лестницы. Все мы. Вот что они хотят. Но это не будет!

Прошло много времени, пока девушка собралась домой. Юргенс проводил ее к выходу.

— Я приду послезавтра, — сказала она.

Она молча кивнула головой и смотрела вперед, пока она не скрылась за углом. И только тут спохватился, что даже не спросил ее имени.

«Если она не придет, я разыщу ее», — подумал Юргенс. — Я найду ее, даже если мне придется вернуться вперед двинуть в Франкфурт.

Подивившись в студии, он убрал тантический пейзаж, укрепленный на мольберте лист бумаги и по памяти стал набрасывать лицо девушки. «Она обрадуется», — думал он, — когда увидит, что я нарисовал ее, не глядя на натурку.

Уже засверкало, когда в студии раздался второй за этот день звонок. Но теперь он не удивил художника. Юргенс ждал этого высокого, широкоплечего посетителя в белом костюме.

— Заходи, Ганс, — сказал он вместо приветствия.

Пришедший чувствовал себя в студии, как дома. Он положил на стол сверток с бутербродами, закурил сигарету и устроился на диване.

— Подкрепись немножко, у нас есть еще время, — сказал Ганс.

Каждый раз ты приносишь мне бутерброды, поесть, — сказал Юргенс. — Как ты умудрился? Сам сидишь без работы, а других снабжаешь едой.

— Поменьше болтай, да ешь, — пророчествовал Ганс.

Юргенс съел бутерброды со стоя, потом извлек из-за мольберта ведро с белой краской и стал размешивать ее палочкой.

— Куда мы держим путь сегодня? — спросил он.

— В Бенгентай, — ответил Ганс. — Туда идут три группы. Одна кладет плашки. Две другие делают надписи.

Юргенс тихо засмеялся:

— Странный я художник! Утром малюю рекламы для магазинов, днем халтурю, вечером пишу логотипы на стенах, а ночью пытаюсь рисовать серьезные картины.

Ганс Ганса глубоко блеснул.

— Брось! Ты будешь еще рисовать только одни хорошие картины. Чудесные картины. Но только тогда, когда мы получим право писать наши логотипы среди бела дня и там, где нам вздумается... А кто эта девушка? — Ганс покашал на мольберт.

— Она тебе нравится?

— Нравится! Красивое лицо. Натуралистичное, что ли?

— Возможно, — ответил художник. — Мы будем писать сегодня...

— Как всегда. Про ами и Аденауэр.

Пока они ехали на велосипеде по улицам пригорода в Бенгентай, Юргенс рассказывал Гансу о том, что из кабинки прислали к нему какого-то ами.

— Он хочет, чтобы я рисовал для него маски для маскарада, — продолжал Ганс. — На этот момент я уже было заработать целую кучу денег, и я даже попробовал. Но сегодня, когда прислали эту девушку, понял, что не смогу...

— Ты говоришь о девушке, — портрет которой я видел у тебя в мастерской?

— Да. Она хочет заработать деньги на учебу...

— Картина может быть прекрасной, — ответил Ганс. — Я не слишком разбираюсь в живописи, но мне кажется, что эта девушка...

— Я знаю, что картина может быть прекрасной, но знаю и то, что должен нарисовать ее для парижского ами. Ты ведь знаешь, чего они хотят?

— Осторожно, не прольяй краски. Видишь здание впереди? Это школа. С нее и начнем.

Когда они слезли с велосипедов, Юргенс мечтательно произнес:

— Знаешь, мне бы хотелось нарисовать что-нибудь очень красивое. Ее лица...

— Смотри... — улыбнулся Ганс, засучившая рукава пиджака, — ты влюбился в девушку. Я это вижу по твоему лицу. А придет другая, которая будет тебе безразлична, и ты ее нарисуешь. Я тебя знаю.

Безразлично. Твой фрейлейн или другая...

— Он полюбил себя

по карману и хвастливо сказал:

— Деньги! Много денег! Я куплю

этот фрейлейн, и мама этот фрей-

лейн, и папа, и дед, и... как это называется?... Всё куплю! Всё!

только осмотрев рисунок. — Нарисуйте эту фрейлейн... Хорошая фрейлейн.

— Гм... — кашлянул Юргенс.

— Гм... гм... — передразнил его американец. — Нарисуйте... вот тут... — он показал руками на грудь и бедра.

— Этому фрейлейн я для вас рисовать не буду, — сказал художник.

— Не будешь? — Американец присвирепел. — Это твой фрейлейн?

Юргенс не ответил. Американец пренебрежительно махнул рукой.

Безразлично. Твой фрейлейн или другая...

— Он полюбил себя по карману и хвастливо сказал:

— Деньги! Много денег! Я куплю

этот фрейлейн, и мама этот фрей-

лейн, и папа, и дед, и... как это называется?... Всё куплю! Всё!

Безразлично. Твой фрейлейн или

другая...

— Позвольте мне сначала объяснить вам, — попросил он. — Зайдите, пожалуйста, об этом объясняется...

— Он несколько раз прошелся по комнате и неуверенно продолжал:

— Я хочу нарисовать вас...

Но для ами я этого не сделаю, я презирал бы сам себя, если бы сделал это. Простите меня...

— Мне не за что извинять вас, господин Юргенс, потому что я пришла сказать вам, что с удовольствием была бы вашей натурщицей. Но только не... — Она смущенно поклонила голову. — Не для этого...

Юргенс поднял к ней, положил ей на плечо руку.

— Перстальтико. Не говорите больше ни слова. Я понял вас.

Несколько мгновений в студии было совершенно тихо. Затем Юргенс снова сел на стул и сказал почтительно:

— Ну, теперь у нас оба прибавилось работы. У меня с этими парижскими ами, а у вас с деньгами, которые вы рассчитывали заработок.

Девушка улыбнулась и махнула рукой:

— Не думайте об этом. Хоть это и не легко. Но мне в жизни никогда не было легче...

— Вечером неожиданно явился Ганс и, как всегда, положил на стол бутерброды.

— Я пришел, потому что в виде исключения, нам надо сегодня еще съездить в Бенгентай.

Юргенс не стал его расспрашивать.

— Слушай, — сказал художник, когда они выехали из центра города. — Эта девушка снова приходила. Мне с ней будем часто встречаться, она обещала. Мне кажется, что Ютта скоро примет участие в наших делах. Замечательная девушка!

Ганс улыбнулся и задумчиво промолвил:

— Хорошо, когда любишь человека, и это в том числе борется вместе с тобой за общее дело. Но помни и о том, что в один прекрасный день ты вместе с этой моделью очутишься за решеткой...

— Для-то я видела прошел трамвай. Из репродуктора неслась музыка...

— Знаю, — сказала Юргенс тихо. — Но... я буду лишь гордиться, когда она побьет с нами в первый раз. Я не буду творить.

Я буду гордиться, если мы с ней попадем в тюрьму по одному и тому же делу. Поверь мне...

ред дверью, прежде чем позвонил.

«Как я скажу ему? — подумала она, бросив робкий взгляд на дверь. — Как я скажу, что просто не могу ему позворить? Я должна сказать ему это так, чтобы он понял, как я уважаю его, и именно поэтому...»

Ютта решительно возвинила. Они встретились, как старые друзья.

Заметив свой портрет, девушка удивленно остановилась перед ним, а затем с благодарностью посмотрела на Юргенса.

— Это только скромная попытка... — сказал он. — Вы не должны сердиться на меня. И вы не должны обижаться на меня, если я прошу вас...

— Я не сержуся на вас, — сказала девушка...

— Позвольте мне сначала объяснить вам, — попросил он. — Зайдите, пожалуйста, об этом объясняется...

— Он несколько раз прошелся по комнате и неуверенно продолжал:

— Я хочу нарисовать вас...

Но для ами я этого не сделаю, я презирал бы сам себя, если бы сделал это. Простите меня...

Юргенс поднял к ней, положил ей на плечо руку.

— Перстальтико. Не говорите больше ни слова. Я понял вас.

Несколько мгновений в студии было совершенно тихо. Затем Юргенс снова сел на стул и сказал почтительно:

— Ну, теперь у нас оба прибавилось работы. У меня с этими парижскими ами, а у вас с деньгами, которые вы рассчитывали заработок.

Девушка улыбнулась и махнула рукой:

— Не думайте об этом. Хоть это и не легко. Но мне в жизни никогда не было легче...

— Вечером неожиданно явился Ганс и, как всегда, положил на стол бутерброды.

— Я пришел, потому что в виде исключения, нам надо сегодня еще съездить в Бенгентай.

Юргенс не стал его расспрашивать.

— Слушай, — сказал художник, когда они выехали из центра города...

— Эта девушка снова приходила. Мне с ней будем часто встречаться, она обещала. Мне кажется, что Ютта скоро примет участие в наших делах. Замечательная девушка!

Ганс улыбнулся и задумчиво промолвил:

— Хорошо, когда любишь человека, и это в том числе борется вместе с тобой за общее дело. Но помни и о том, что в один прекрасный день ты вместе с этой моделью очутишься за решеткой...

— Для-то я видела прошел трамвай. Из репродуктора неслась музыка...

— Знаю, — сказала Юргенс тихо. — Но... я буду лишь гордиться, когда она побьет с нами в первый раз. Я не буду творить.

Я буду гордиться, если мы с ней попадем в тюрьму по одному и тому же делу. Поверь мне...

Перевели с немецкого
Л. ЗАВЬЯЛОВА
и Н. КАРИЦЕВА.

Рисунок В. Трублковича.

Юргенс ответил не сразу:

— А ты меня все-таки не очень хорошо знаешь...

На следующий день в обеденное время появился американец. Он шумно пристроился на Юргенса и приставил сигарету, фамильно приложил к губам художника, на плечо, освободил, как обстояло дело с его картинами.

Юргенс потушил сигарету и равнодушно покашлял пачками.

— У меня еще нет натурщицы. — Натурщицы?.. Фрейлейн?.. Да. Девушки.

Американец громко засмеялся, вытаскивая из кармана несколько сложенных журналов и принялся перелистывать их.

— Вот вам фрейлейн!.. Много фрейлейн!.. Найдите хорошую фрейлейн. Я заплачу...

Тут американец обнаружил ее киз на мольберте.

— О-о-о! — пропинул он, внимательно осмотрев рисунок.

— Есть вещи, которые нельзя купить, — сказал Юргенс.

Американец не обратил на его слова никакого внимания. Он присел на пальмы и мотнул головой.

— Но-о-о! Найдите фрейлейн! Я приду еще раз.

Прежде чем уйти, он великолепно жестом положил на стол распечатанную фотографию.

Первым побужденным Юргенса было бросить сигарету за окно. Но, взяв пачку в руки, он передумал и сунул ее в карман.

— Сашин!.. — сказал художник громко, опускаясь на краю дивана. Потом достал сигарету из пачки и откинулся на спинку дивана.

В тот день Юргенс больше не работал. Он надеялся, что девушка придет снова, как они условились.

Ютта пришла. Она пришла в то же время, как и два дня тому назад, и, задумавшись, постояла пе-

Марселла дель Рио в роли
Лауренси в пьесе Лопе
де Вега «Овечий источник».

О ЧЕМ РАССКАЗАЛА МАРСЕЛА ДЕЛЬ РИО

Приближается VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов — праздник юности всего мира. В нашей стране рабочие и крестьяне, врачи, служащие, студенты готовятся к этому празднику. Среди артистов, спортсменов, деятелей культуры все яснее определяются группы и субгруппы, которые будут демонстрировать свое мастерство в Москве.

Свой точки зрения личность молодой мексиканской актрисы Марселлы дель Рио, заслуживающей особого внимания. Она не только первые передовые идеи нового поколения — желание жить в мире и дружбе, стремление к свободе, — но и ее любовь к жизни и искусству. Но поразению нашего журнала мексиканский писатель и лугу корреспондент Стэнли Рио, который в своем интервью с Марселлой дель Рио спросил ее о своем творчестве и ответить на ряд вопросов. Беседу писателя с актрисой и сопроводительная статья Малинина, мы публикуют сегодня.

— С пятнадцати лет — начала свой рассказ Марселла. — Меня влекли к театру. Моя мать, писательница, изучала спектакль и говорила о нем. Я окончила Театральный институт, частное учебное заведение, которое моя мать основала. Я была роль в пьесе «Октябрьский день», поставленной в «театре-студии».

Позже я стала заниматься в уничище при Национальном институте народного искусства в Гватемале, где поступила в школу Сен-Себастьяно, где познакомилась с основами творческих установок Стэнли Рио и Немецко-Германского. Это позволило мне поставить в Гватемале пьесы Альфредо Касиноса «Мелиндина из Аркос», а также «Предлонгения» и «Трагиконволе». Чехова. Конечно, все это было сделано еще до того момента, когда в резуль-

тате интервенции США произошли политические изменения, о которых все мы сожалеем...

— Вам нравится русская классика?

Очень! Достаточно сказать, что я вступила в Институт труда и культуры имени Максима Горького в СССР, чтобы изучить языки, на которых писали Пушкин, Гоголь, Толстой, Чехов, Гоголь и другие писатели. Сейчас, например, я читаю «Дон Жуана» Вергилия и «Савицкую» в переводе Елены Борисовой.

— Это хочется сыграть для меня...

— Да, это очень интересно...

— Это очень

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧЕТЫРЕХ РОССИЙСКИХ МАТРОСОВ

Это случилось в 1743 году. Кого-востоку от Шпицбергена было затерто льдами промысловое судно, снаряженное маземским купцом для охоты за морским зверем. Неподалеку виделся неизвестный берег, и народные предания называли его «Наша земля». Следом штурман Алексей Химиков и три матроса: Иван Химиков, Степан Шарапов и Федор Веригин. По льдам они добирались до земли. В глубине острова поморы обнаружили обшвашавшую избушку. Переночевав в ней, направились обратно, но когда вышли к морю, то увидели, что судно исчезло. Ночью, при перемене ветра, оно, по-видимому, ушло на остров, уединенный в море. Погоня устремилась за судном, несбогатившим остров, совершило не подготовленные к зимовке. Все их имущество состояло из одежды, что было на них, двадцати фунтов мясо, курительных трубок, табака, огнива, котелка, топора, ножа и ружьи с двенадцатью зарядами.

— Но поморы не пали духом, а
принялись деятельно готовиться к
зимовке. Прежде всего они по-
правили обесточенную избу-
мачину, в которой жили, и
также направили ни одного зара-
бай, убили двадцать оленей и та-
ким образом на первое время
обеспечили себя питанием.

Но берегу поморы разыскивали
принесенные морем доски, сучья,
обломки побитых кораблей. Этих
скудные и сложные дары приходи-
лось использовать в Тюменской
лесной избе. В рабочеболь-
ных обломках иногда попадались
гвозди и различные железные ча-
сти. Из них поморы выковы-
вали себе оружие.

Наковальню заменил камень, в качестве молота они приспособили большой кирок, найденный в одной из досок, клаши сделали из двух ломанных рогов. В этой своеобразной кузнечной мастерской изготавливались дубовые доски для дверей, дрова и стрелы.

Толстые сучья служили древковым рогатинам, а наконечники поморам привязывали ремнями на ольевую кожу. С таким первобытным оружием смельчаки рискованно настась на медведя и одолели зверя. Из его жал они сделали вышибленцы, море из которых ели вперы копчен. Так в вооружении получился настоящий лук.

В руках поморов он оказался всегдачким другом.

Однако зимовщиков подстерегал неизведенный враг — цинга. Ведь ни хлеба, ни соли, ни овощей у них не было. Поэтому что не за болеть стал самим болезнью, поморы съели свою машину, как олово крахмал и старались как можно больше двигаться. В постоянной борьбе за существование, находясь преодолевая трудности, поморы прошли на острове шесть лет и три месяца. Лишь один из них, Федор Веринич, не выдержал, умер, и поморы, не имея машины, вынуждены были жить в худших условиях и, несмотря на прогрессивные заботы товарищества, умерли неизадолго до возвращения зимовщиков.

Из индийского юмора

Рисунки Е. Гурова

(из сборника «САЧИТРА ГРИХ ВИНОД»)
Перевод с хинди

— Вы опоздали, — говорит швейцар кинотеатра одному из зрителей. — Картина уже давно началась, я не могу вас впустить.
— Ничего, вы только приот-

— Нельзя. Если я открою дверь, зрители разбегутся.

дверь, зрителя разбегутся.

* * *

— я был дурак, ко-
на тебе! — сказал
я семейной скоры.
а, но у меня была
поумнееши,

— Каждой же я был дурак, когда
женщина после семейной ссоры.
— Я это знала, но у меня была
надежда, что ты поумнеешь, — от-
ветила жена.

— Доктор, большое спасибо за лечение. Но я вас не лечил. Я вообще не лечу. Но я вас впервые. Что вы лечили моего имущество, и которого находились, из карства.

卷之三

~~Читать~~
Один художник демонстрировал свою картину. Обращаясь к зрителям, он сказал:
— Господа, на этой картине изображена корова, пасущаяся на лугу.

— А где же трава? — спросили зрителями.
— Ее съела корова.
— А где же корова?
— Она ушла. Зачем же ей оставаться на лугу, если вся трава съедена?

Один человек так много читал о вреде спиртных напитков, что решил бросить... читать.

— Скажите, это хорошо или плохо, когда черная кошка перебегает дорогу?

— А это зависит от того, кто вы — человек или крыса.

шиков на Большую землю. Трои остальных были сняты с острова случайно подошедшим судном и осенью 1749 года доставлены в Архангельск.

Возвращатись в родные края Химиков и Шаралов ничем не напоминали изуранных, исхудавшихся людей. Они прекрасно выглядели, были бодры, крепки. Иван Химиков, например, прелестно сидел на оконте оленей и песцов, как натренировался в беге, что, по свидетельству очевидца, «вытерживал самую быструю лошадь». Поморы привезли домой много оленевых, песчаных и медвежьих шкур, пятьдесят пудов оленьего сала. Не потеряли даже ори-

ентировки во времени, что легко могло случиться.

Жизнь отважных товарищ на необитаемом острове — это настоящий подвиг. В долгие годы зимовки поморы проявили присущие русским людям черты: силу духа, мужество, выносливость, способность применяться к самым трудным обстоятельствам.

Весть о необыкновенной жизни племен на острове вскоре послала их прибытия в Архангельск дошла до Петербурга. Двое из них — Алексей и Иван Химко- вы — были вызваны в столицу, где академик Ле Руа записал их рассказ. Так появилась в свет — сначала на немецком языке

книжка «Приключения четырех российских матросов, к острову Ост-Шпицберген бурею принесенных, где они шесть лет и три месяца прожили». Затем она была переведена на русский язык и после этого дважды переиздавалась. Последнее ее издание недавно осуществил Географиз.

Книжка легла в основу нескольких литературных переделок, пеперказов и сценария кинофильма «Море студеное». Однако удивительная жизнь в борьбе поморов с суроюю полярной стихией все еще малоизвестна. Приключения четырех российских матросов ждут своего автора.

Атомный ледокол «Ленин» строится

Мы на верхней палубе строящегося атомного ледокола «Ленин». Отсюда, с большой высоты, сплошь белесую завесу мокрого снега видны льдины, громоздящиеся у самого берега. О размерах судна можно судить уже по величине секции обшивки — каждая из

ФОТО Г. Худякова. г. Саратов.

Пора пробуждения

Ни в какую другую страну в мире
России не происходят
разительные перемены,
но в этом году наше
земля земля еще попрощалась
легким деревья голы и ре-
зко обнаженные, а солнце
зеленая трава в оку-
никою пропадает, речи сно-
жено кипят широкие воды,
одиноко молодой пригорода
на один месец пре-
вращается в пустыню.
Еще не того, как сходит
последний снег,

Еще до того, как сойдет снег, в лесу появляются первые пурпурные почмы. В них уже начинают разворачиваться ярко-красные рачки, кувыркающиеся в цветах, а по завиткам, покрытым блестящими «зубочками», бегают бесстрашные тараканы-тромсогены. В народе эти красавицы называют лед раздвигатель и величественный, вскоре после цветения, цветок — розой, которая вскорышаются розами, где-то вспыхивающими в цвету победы

Приложение к областному Чемпионату Московской области по баскетболу

Первые гризлицы — это юные хищники, способные изгнать из лесов своих рукоюдателей Л. Л. Семашко. Вместе с ними на сцену выходит и юный зверь — медведь. Несмотря на то что медведица с медвежатами в лесах они изучают следы и повадки зверей. Фото Т. Шапошникова.

Шапошников Т. А. — московские «блокноты» Наталья Маринина и Володя Володин тренируются на стадионе Юных пионеров. Фото В. Тюляев. Слева.

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление номера В. Урина

Адрес редакции: Москва, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. 34-20-202 Залог 15. 479

ТРЕТЬЯ ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА «СМЕНЫ»

IV. ВИКТОРИНА

7. В одной из партий в соревнованиях по шахматам на доске сделано такое положение:

Применены современные приемы ведения игры.

8. В конце 1956 года в Московском институте физики и химии один из выпускников института, защитив диссертацию на тему «Современные методы теории шахмат», был присвоен звание стипендиатка по изучению японских наук. Не назовите ли вы фамилии и имя этого шахматиста-исследователя?

9. Какие партии в истории шахматного спорта считаются самыми интересными?

3. Кто из великих мастеров шахмат в свое время наименее известен? 4. Кто из великих писателей мира в свое время наименее известен? 5. Кто из великих писателей мира в свое время наименее известен?

Конечно, это отличительные особенности, так называемой «швейцарской» системы проведения шахматных турниров.

ниров? Какие соревнования проводятся по этой системе?

4. Что такое «позиционная ничья»? Приведите характерные примеры.

5. Официальная история международных шахматных

растерный пример.

3. На самом крупном международном турнире прошлого столетия вице-премьером был великий русский шахматист

состязаний начинается с турнира, который состоялся в Лондоне в 1851 году. Однако встреча между шахматистами различных стран

сийский писатель Иван Сергеевич Тургенев. Иван Сергеевич победителем в этом турнире и каков новшество было введено тогда при зачете ре- провинции и гораздо раньше. В 1858 году в Мадриде состоялись из-вестнейшие шахматисты того времени. Не назовете ли

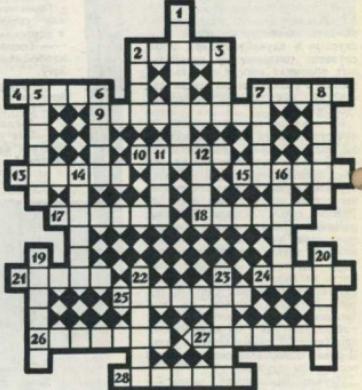
6. Чем заключается теория «помощи матов»? Продемонстрируйте ее 1-2 примерами.

КРОССВОРД «ФОТОГРАФИЯ»

Конечно, я не могу сказать, что это было ошибкой, но я бы не стал бы делать то же самое.

КРОССВОРД «ФОТОГРАФИЯ»

Составил А. Петров (г. Рига).

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

5. Глюк. 6. Арабат. 10. Тела. 11. Ибрагим. 12. Ермолов. 13. «Ермак». 16. «Марс». 18. Схема. 19. «Русалка». 20. Нальчиц. 24. Беранже. 25. Орешники. 26. Вазон. 27. Попкин. 28. Нерис. 29. Котов. 30. Афиши. 31. Яншин.

1. Флобер. 2. Окстала. 3. Строфа. 4. Импорт. 7. Комиссаржевская. 8. «Одиссея». 9. Александровская. 14. Мост. 15. Калининская. 16. «Молодежка». 17. Речь. 21. Федотов. 22. Базилло. 23. Никитин.

Digitized by srujanika@gmail.com

Редколлегия: Г. Гулина, Е. Долматовский,
Б. Егоров, Н. Жуков, В. Кулемин, М. Луконин.

Технический редактор О. Швоза.

III 1957 г. Тираж 300 000 экз.

„Семейное счастье“

Комсомольский работник женился. И вот, Все устроил по свадебной части, Составляет он план календарный на год По устройству семейного счастья. Собирается срочно семейный совет: Зять двоюродный, мрачный и тощий, Дядя, тетя, племянник двенадцати лет И женщина — повариха тещи. «Дэбы не был наш быт, начиняет супруг, — Обывательски мелок и узок; Нужно каждому знать постыдный свой круг Ежедневных семейных нагрузок». Все покорно смотрели супругу в глаза, Все внимали суровой науке. И когда он окончил короткими: «Кто зев, — Все немедленно подняли руки. ...И доволен супруг. Он сумел избежать Жизни тяжелой, скучной и узкой: Демонстрации в доме. Страницы печати. Все свои выполняют нагрузки. Всюду полный порядок. Лишь нет одного: Нет веселого смеха и шуток. Не умеют смеяться детишки его, И жена все грустит почему-то. Комсомольский работник работать умел, Был в делах своих признанный мастер. Но средь будничных дел он любовь проглядел, Проглядел он семейное счастье.

Ф. КРИВИН
г. Ухгород.

ТОЛЬКО В БЕЖЕВОМ ПЕРЕПЛЕТЕ...

В книжном магазине вошла девушка. Она была модно одета: туфельки на тоненьких, как пшильки, каблучках, бежевое пальто оригинального покрова, шарфик цвета морской волны, шапочка, похожая на цветочный горошек, и замшевая сумочка, напоминающая шапочку.

Модница остановилась перед отделом художественной литературы и, рассеянно оглядев полки, обратилась к продавцу:

— Дайте мне что-нибудь Гоголя.

Ей подали томик в зеленом переплете.

— Не годится! — сказала модница. — Дайте бежевую книжку.

— Других нет.

Модница удивилась:

— Разве Гоголь ничего не написал в бежевом переплете?

В. БРОДОВ

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ 3

— Ну вот, Петенька, я и на пенсии буду! —
Хорошо, мамаша, отдыхайте: накопите денег, сбегайте мне за папирасом...

— Наконец-то накинулся! Отдохну хоть от этих дурацких вопросов: почему на ходьбе в институте, почему пропускаешь лекции?..

— Ты куда решил идти учиться?
— В текстильный институт.
Мне как-то близко: две остановки автобусом...

Рисунки М. Вайсборда, А. Максимова,
В. Ореханова, Е. Шукава.

Цена номера
2 руб.

